

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

96

Mr. Golder's collection.

Acquired through the
HOOVER INSTITUTION

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Махов, V. E

Russ.
msc

ФРЕГАТЪ
« Д И А Н А ».

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

БЫВШАГО

ВЪ 1854 И 1855 ГОДАХЪ ВЪ ЯЦОНИИ

ПРОТОПЕРЯ

ВАСИЛІЯ МАХОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

1867.
TK

G490
M3

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 іюня 1867 г.

Slav. coll.
20474

Типографія Товарищества «Общественная Польза», по Мойкѣ, № 5.

ПРОТОІЕРЕЙ
ВАСИЛІЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ
МАХОВЪ.

341 А.Б.16
31-го ч. марта, 1864 г., послѣ кратковременной, но жестокой болѣзни, скончался на 69 году, въ селѣ Радубежѣ, Курской губерніи, Фатежскаго уѣзда, протоіерей Василій Емельяновичъ Маховъ.

Сынъ бѣднѣйшаго пономаря той же губерніи, Обоянскаго уѣзда села Бобрышова, онъ, при крайне скудныхъ средствахъ отца, но при собственномъ прилежаніи и усердіи, — съ помощію добрыхъ людей, — окончилъ въ 1815 г. философскій курсъ наукъ въ мѣстной духовной семинаріи, и въ томъ же году былъ поставленъ въ діакона — въ село Бобрышово, а въ 1823 г. — во священника въ село Сквороднево (Дмитріосвапскаго уѣзда). При кроткой и воздержной жизни, проходилъ онъ свое служеніе слишкомъ 50 лѣтъ и всегда отличался неподдѣльнымъ духомъ благочестія. Постигавшія его нерѣдко служебныя и домашнія непріятности переносилъ онъ съ терпѣніемъ, повторяя всегда одно: «боящемуся Господа, благо будетъ напослѣдокъ!» Большая семья его содержалась не столько изъ доходовъ приходскихъ, сколько трудолюбіемъ собственнымъ: онъ былъ вообще прекрасный хозяинъ, но особенно — знающій свое дѣло пчеловодъ! По сдачѣ мѣста своего въ Сквородневѣ одному зятю, самъ перемѣщенъ былъ онъ сперва въ село Кутокъ, а потомъ — въ село Радубежъ. Здѣсь, въ 1849 г., лишился истинно добрѣйшей супруги своей и чадолюбивой матери дѣтямъ. Уступивъ и въ Радубежѣ мѣсто свое зятю, мужу другой дочери, остался онъ за штатомъ. Терпя отчасти нужду и убѣждаемый преосвященнымъ курскимъ, Иліодоромъ — поступить

въ монашество, онъ рѣшился было наконецъ исполнить это желаніе владыки. Но въ это время (1852 г.) дозволено было ему съѣздить въ Петербургъ, для свиданія съ сыномъ, служившимъ въ одномъ изъ департаментовъ м. внутр. д. Съ прибытіемъ его въ Петербургъ, Богу угодно было щедро и въ короткое время вознаградить его за прежнюю неутомимую дѣятельность, и оправдать на дѣлѣ часто повторяемая имъ слова: «боящемуся Господа, благо будетъ на послѣдокъ!»

Прежде всего причисленъ онъ былъ къ братіи Александро-невской лавры, и вскорѣ намѣстникомъ ея откомандированъ въ домовую церковь оберъ-священника арміи и флота, для временнаго священнослуженія и исправленія требъ.

Въ 1853 г. снаряжался въ кругосвѣтное плаваніе фрегатъ «Діана». Въ походную церковь на немъ требовалось чальствомъ отъ духовнаго—священникъ. Оберъ-священникъ арміи и флота, по докладѣ свят. прав. суноду, назначилъ на фрегатъ—о. Василія Махова. Отправившись на предстоящіи 4-го октября того же 1853 г. изъ Кронштадта, онъ проплылъ фрегатъ: Балтійское и Нѣмецкое моря, Атлантическій и Тихій океаны, обогнулъ мысъ Горнъ. На пути былъ: въ Даніи, Англии, на Канарскихъ и Сандвичевыхъ островахъ; въ Америкѣ (Ріо-Жанейро и Валпарайсо), у Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ *. Въ портѣ Аянъ, гдѣ преимущественно кочуютъ гиляки-идолопоклонники, онъ въ 1854 году обратилъ 17 человекъ въ христіанскую вѣру. Когда послѣ сего на фрегатъ «Діану» въ Татарскомъ проливѣ пересѣлъ уполномоченный отъ російскаго Императорскаго двора, для переговоровъ съ японскимъ правительствомъ о торговыхъ дѣлахъ, графъ Путятинъ,—покойный о. Маховъ отправился при немъ чрезъ Японское и Китайское моря въ Японское государство и, находясь въ разныхъ портахъ Японіи, вытерпѣлъ у порта Симода страшное, отъ землетрясенія, кораблекрушеніе. Послѣ полугодичной жизни между японцами, возвращаясь тѣми

* Нѣсколько писемъ его съ дороги морской къ сыну въ Петербургъ показываютъ, что онъ былъ не холоднымъ путешественникомъ, но любознательнымъ описателемъ видѣнныхъ имъ мѣстностей.

же морями къ восточнымъ берегамъ Сибири, онъ 20 іюля 1855 г. взятъ былъ англо-французами въ плѣнъ, но чрезъ три дня высаженъ на пустой берегъ при портѣ Аянъ. Отсюда путешествуя чрезъ всю Сибирь съ большимъ затрудненіемъ, безъ средствъ, 6-го декабря прибылъ онъ въ Петербургъ, гдѣ въ награжденіе за окрещеніе гиляковъ—получилъ скуфью; за примѣрно-усердное исполненіе священническихъ обязанностей во время кругосвѣтнаго плаванія—наперсный крестъ; за поднесеніе лично великому князю Константину Николаевичу приобрѣтенныхъ въ Японскомъ государствѣ монетъ и вещей, пожалованъ 4 февраля 1856 г. отъ его императорскаго высочества съ изъявленіемъ особой признательности, золотымъ съ брилліантами перстнемъ; по Высочайшему Государю Императору повелѣнію 28 апрѣля того же года, повелѣніемъ 1-го августа 1856 г. въ триста рублей сер. 5-го іюля, по Высочайшему повелѣнію назначенъ священника арміи и флота, опредѣленъ въ дивизию 6-го армейскаго корпуса, съ званіемъ священника и командъ духовенствомъ въ той дивизиі; гдѣ, въ память мисіонерской войны, получилъ бронзовую медаль на андреевской и таковой же наперсный крестъ на владимірской лентѣ. За расформированіемъ же, по случаю окончанія войны, означеннаго корпуса, остался за штатомъ и поступилъ на жительство въ курскую епархію, въ которой, по указу святѣйшаго синода, «за долговременную, отлично-усердную и полезную службу», возведенъ 15-го апрѣля 1857 г. въ санъ протоіерея и награжденъ набедренникомъ.

Казалось бы, что тутъ должно было и окончиться поприще дѣятельности протоіерея Махова, но Промыслъ Божій невидимо готовилъ ему новые подвиги! Въ мартѣ мѣсяцѣ 1858 г. онъ снова вызванъ былъ свят. Синодомъ въ Петербургъ и, по Высочайшему Государю Императора повелѣнію, назначенъ 24 марта быть настоятелемъ церкви російскаго консульства въ Хакотаде (на островѣ Эзо, въ Японіи), съ жалованьемъ по 2,500 р. сер. въ годъ. —19-го іюля того же года, «по вниманію, какъ къ прежней отлично-усердной и полезной службѣ, такъ и къ трудамъ, предстоящимъ на новомъ поприщѣ», Всемилоствѣйше награжденъ камиллавою, а изъ кабинета Его Величества получилъ установленный

для миссіонеровъ за границую золотой наперсный крестъ. Изъ Петербурга отправился онъ 2-го сентября 1858 г. и прибылъ въ Японію 13 июня 1859 г.

Съ одной стороны, труды по службѣ, съ другой,—частые, подъ разными климатическими условіями, далекіе съ мѣста на мѣсто переѣзды, имѣли рѣзкое вліяніе на шестидесятилѣтнюю жизнь покойнаго. Онъ, правда, вполнѣ утѣшался Божіею къ нему милостію, посылавшею ему столько благъ; но здоровье его болѣе и болѣе упадало. Скорбь о дѣтяхъ (хотя уже взрослыхъ и пристроенныхъ), возмущала его душу, тревожила старческой его покой. Онъ началъ ослабѣвать въ природной крѣпости силъ и болѣть серьезно, подвергаясь удушливому съ сильными мокротами кашлю. Въ Хакотаде, гдѣ климатъ особенно разрушительно дѣйствовалъ на здоровье покойнаго, онъ, благодаря Бога за низпосланную къ нему при концѣ жизни милость, — заявлялъ одно желаніе: «хоть бы добраться до Россіи; хоть бы умереть въ Радубежѣ!» — Богъ услышалъ его молитву, исполнилъ и это желаніе. По болѣзни разрѣшено ему выѣхать изъ Японіи и явиться въ Петербургъ. Въ іюль 1860 г. онъ выѣхалъ, и 19 декабря прибылъ въ Петербургъ, гдѣ по распоряженію св. сѣнода уволенъ на покой — въ курскую епархію. Милость и щедроты Дома Царева еще разъ разыскали отживающаго дни свои, нынѣ покойнаго, протоіерея. Государыня Императрица, за поднесеніе имъ лично въ 1861 г. ея высочеству, великой княжнѣ Маріи Александровнѣ привезенныхъ изъ Японіи вещей, Всемилостивѣйше соизволила пожаловать ему золотые часы съ цѣпочкою во 125 р. с. 21-го января 1863 г. Высочайше повелѣно производить ему изъ главнаго казначейства пенсію по 400 р. въ годъ. Служа Богу словомъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятелемъ и въ общественной жизни. Съ наступленіемъ 1864 года, покойный началъ чувствовать себя особенно ослабѣвающимъ, и потому сталъ положительно собираться въ загробную жизнь. На другой день Благовѣщенія отправился онъ изъ Радубежа за 30 верстъ въ село Саковинку, гдѣ, исполняя временно священническую обязанность, слѣдилъ вмѣстѣ съ тѣмъ за постройкою новаго храма. Тамъ, 27 марта, поразилъ его апоплексическій

ударъ съ отнятіемъ языка, правой руки и правой ноги. Привезенный въ такомъ положеніи въ Радубежь, четыре дня страдалъ онъ убійственнымъ кашлемъ съ мокротою, а 31-го ч., съ закатомъ солнца, скончался. Погребенъ 2-го ч. апрѣля 1864 г. при церкви с. Радубежа.

Миръ праху твоему, добрый человѣкъ, дѣятельный пастырь, чадолюбивый родитель, взысканный милостію и щедротами царскими—кругосвѣтный путешественникъ! Да водворится душа твоя во благихъ небесныхъ таѣхъ, какъ ты за жизнь свою, по боязни ко Господу, утѣшенъ былъ напоследокъ благами земными!

Ив. М — вг.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Фрегатъ «Діана»..... Кто изъ многихъ русскихъ не слѣдилъ за его предприимчивымъ въ отдаленныхъ моряхъ плаваніемъ; кому не извѣстно постигшее его у береговъ Японскаго Государства злополучіе, гибель и, наконецъ, самое крушеніе; кто не читалъ объ этомъ ужасномъ происшествіи безъ душевнаго сожалѣнія, сердечнаго участія, искренняго сочувствія и, быть можетъ, безъ слезъ?.. Но прочеть статью о гибели фрегата «Діана» — не равнодушно; раздѣлить горе, случившееся съ роднымъ, близкимъ знакомымъ заочно, пожалѣть о бѣдствующихъ и злополучныхъ мореплавателяхъ — за глаза, чувство одобрительное, искренность впрочемъ на нѣсколько минутъ, память на время!... Каково же было лицу, дѣйствительно страдательному, тому мореходу, который, совершивъ путь свой почти благополучно, застигнуть былъ горемъ въ окончаніи плаванія неожиданно и въ самыхъ ужасныхъ размѣрахъ?... Человѣкъ то не перенесетъ, что Богъ не пошлетъ! На старости лѣтъ Господь судилъ мнѣ совершить кругосвѣтное путешествіе, видѣть многое, вытерпѣть горькое, сохранилъ мнѣ память о быломъ, почемужъ мнѣ и не рассказать объ этомъ вамъ, мой благосклонный читатель? Прочтите и со старика не взыщите.

ГЛАВА I-я.

Отбытіе фрегата изъ Кронштадта. Мысли при разлукѣ съ родиною. Морская болѣзнь. Копенгагенъ. Путь далѣе. Проливъ Ламаншъ. Атлантическій океанъ. С. Себастьянъ и его негостепріимство. Переходъ чрезъ экваторъ 6-го декабря.

Состоя въ числѣ братства Свято-Троицкія Александро-Невскія Лавры, я, по распоряженію начальства, назначенъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1853 года на изготовлявшійся тогда на три года въ кругосвѣтное плаваніе фрегатъ «Діана». Прибывъ 24-го числа сентября въ Кронштадтъ, 26-го фрегатъ вышелъ на рейдъ; 1-го числа октября—въ день Покрова Божіей Матери,—торжественно совершено было мною, по церковному чиноположенію, освященіе устроеннаго на фрегатѣ храма во имя святителя христова Николая. Когда же фрегатъ окончательно былъ изготовленъ къ отплытію, 4-го октября въ 10 часу утра, начали прибывать на фрегатъ высшіе сановники морскаго министерства, родные и знакомые готовившихся въ дальній путь; за тѣмъ изволилъ прибыть на пароходѣ и Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Обойдя построенную команду, осмотра заботливо всѣ отдѣленія фрегата, Его Высочество приказалъ начать напутственное молебствіе.—Усердно и прямо отъ чистаго сердца возносили въ это время молитву къ небесному путеводителю и отходящіе въ путь и сопровождающіе ихъ въ таковой, «да спутешествовавый нѣкогда двумъ апостоламъ въ Еммаусъ, Спаситель, сшествуетъ и нынѣ путешествовати хотящимъ; пославый иногда Товіи спутника въ образѣ ангела, и нынѣ пошлетъ путникамъ невидимаго хранителя, отъ всякаго злаго обстоянія и во всякомъ благополучіи соблю-

дающая». Искренняя молитва эта закончилась окропленіемъ святою водою всего фрегата и русскаго флага. Его Высочество, ласково простясь съ командиромъ фрегата и всѣми путниками, и напомнивъ имъ о важности предстоящаго пути, ревностномъ исполненіи своего долга и сохраненіи чести флага, изволилъ отбыть съ фрегата. Началась задравная съ крѣпости и прощальная съ фрегата пушечная пальба, послѣ которой Великій Князь еще разъ напутствовалъ отходящихъ моряковъ желаніемъ благополучія; за громкимъ «счастливо оставаться!» раздался свистокъ и мы, по командѣ, снялись съ якоря. Быстро и смѣло пошелъ нашъ фрегатъ по водамъ Финскаго залива, миновалъ его въ одни сутки и вступилъ, наконецъ, въ Балтійское море. Скоро мы оставили за собою Ревель и Ригу, переѣхали и ту черту, которая указываетъ конецъ Земли русской и начало земель иностранныхъ. И здѣсь-то на рубежѣ роднаго съ чужимъ, на границѣ русскаго съ иностраннымъ, тяжелый вздохъ вырвался изъ груди моей. Вздохъ этотъ понятенъ, близокъ, знакомъ тому, кто хотя однажды въ жизни своей оставляя, и быть можетъ безвозвратно, любезное отечество, покидая близкихъ-родныхъ, друзей и знаемыхъ, пускался въ обширное пространство морей, неся за предѣлы далекаго, неизвѣстнаго..... Мрачная дѣла покрыла чело мое: Богъ знаетъ, суждено ли намъ, далекимъ путникамъ, совершить трудный и продолжительный путь свой въ благополучіи; суждено ли узрѣть чрезъ три года снова благословенное свое отечество, прижать къ груди родныхъ, привѣтствовать друзей, обмѣняться ласковымъ поклономъ съ ближними, услышать сердечное «здравствуй», вмѣсто нынѣшняго печальнаго «прости!»... Сердце мое сжалось, голова отяжелѣла, горячія слезы хлынули изъ глазъ моихъ.... «Прости, еще разъ прости родное, дорогое наше отечество! Да будетъ всегдашнее благословеніе Божіе надъ тобою, Богомъ возвеличенная и Богомъ хранимая Россія, да почіетъ въ нѣдрахъ твоихъ духъ страха Божія, духъ правды и истины, духъ міра и спокойствія, союзъ братской любви и безпредѣльная преданность къ Помазаннику Божію—Царю своему. Съ этими условіями была ты какъ прежде,

будешь нынѣ и всегда славна, могуча, страшна врагамъ своимъ!».... Такого было душевное настроеніе, такова была дума каждаго изъ насъ, когда оставляя за собою предѣлы Россіи, неслись мы подъ парусами далѣе по Балтійскому морю, около острововъ Готланда и Борнгольма. Отъ тоски ли по родинѣ, отъ разстройства ли душевнаго, или по неотъемлемому праву мореплаванія, качки и потрясеній носимато по волнамъ судна, появилась на фрегатѣ нашемъ болѣзнь, обыкновенно морьями называемая «морскою». Кто изъ насъ болѣе или менѣе не перенесъ этой болѣзни, болѣзни сильной въ началѣ, мучительной въ послѣдствіи, изнурительной въ окончаніи. Не только пустившійся въ первый разъ путешествовать по морю, но даже иные и изъ старыхъ моряковъ подверглись этой болѣзни. Прямой признакъ и начало болѣзни, какъ я испыталъ собственно на себѣ, сильное головокруженіе, за тѣмъ слѣдовала мучительная во всемъ тѣлѣ боль, которая, изнузивъ силы мои тѣлесныя, повергла въ неизъяснимую тоску о чемъ-то безотчетномъ, все для меня стало несноснымъ, ко всему я былъ равнодушенъ, ни какія лекарства не оказывали своей помощи, не подавали облегченія, одна лишь привычка къ морской качкѣ и крѣпкая натура, способствовали въ возстановленіи по времени тѣлесныхъ силъ. 13-го числа мы прибыли на копенгагенскій рейдъ, по 20-е ч. находились въ пристани, заготовляя въ это время нужные, для себя, на предстоящій путь съѣстные припасы и другія принадлежности. Каждый разъ, какъ только я съѣзжалъ на берегъ и проходилъ городомъ, неотвязчивые и чуть не на всякомъ шагу мальчишки до такой степени досаждали мнѣ попросами подаенія, что и по возвращеніи на фрегатъ долго чудился мнѣ пискливый голосъ этихъ попрошаекъ: «руска, дай копѣйка!» Въ прогулку мою по улицамъ города, жители съ удивленіемъ и смѣхомъ посматривали на мое, свойственное духовному лицу, одѣяніе: оно не казалось имъ, какъ думаю, богатымъ, но занимало чисто-формою своею и покроемъ. Это мнѣніе хотя и подтверждалось совѣтомъ переѣмнить платье, ходить въ принятомъ за границу духовными лицами свѣтскомъ одѣяніи, стричь волосы и брить бороду, но

послѣдовать этому обыкновению я не призналъ за нужное. Что за краса, на примѣръ, видѣть нашего русскаго іерея съ остриженными волосами, бритую бородою, въ пальто на плечахъ, въ чулкахъ и башмакахъ на ногахъ? Я удивился и не хотѣлъ признавать за своего собрата, за русскаго священника, находящагося іерея при одномъ нашѣмъ заграничномъ посольствѣ. Странно казалось мнѣ такое обыкновение; я полагаю, что свойственная лицу русскаго священника одежда и при ней какіе либо знаки Монаршей милости и духовныхъ отличій, должны поставлять православное духовенство, преимущественно внѣ Россіи, въ виду уваженія и почитанія иноземцевъ. Во всѣхъ портахъ заграничныхъ, даже въ Японіи, я не измѣнялъ моего одѣянія; ряса постоянно была на моихъ раменахъ. 20 числа, при благопріятной погодѣ, снялись мы съ якоря и плыли проливами въ Нѣмецкое море, 21 и 22 числа проходили угрюмый Каттегатъ и грозный для мореплавателей мысъ Скагенъ, миновали благополучно и то роковое мѣсто, гдѣ по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія постигла злая доля нашихъ собратій, моряковъ, плывшихъ не задолго предъ нами на военномъ транспортѣ «Нѣманъ». Съ 23 по 30 ч. проходили Нѣмецкое море и проливъ Ламаншъ; здѣсь прибывшій къ намъ на баркасъ съ береговъ Англіи лоцманъ, довольно далеко провожалъ нашъ фрегатъ проливомъ. Этимъ временемъ мы успѣли написать письма и, поручивъ ихъ лоцману, просили переслать ихъ въ Россію. Кромѣ густаго лѣса мачтъ вдали, кромѣ безпрестаннаго движенія по проливу со всѣхъ сторонъ многочисленныхъ англійскихъ судовъ и большаго и малаго размѣра, мы ничего не видали, постѣшая сколь возможно миновать побережья Англіи и поскорѣе вступить въ Атлантическій океанъ. 31-го числа вступили мы въ океанъ. Вотъ гдѣ настало истинное раздолье для фрегата, тутъ-то закипѣла работа у моряка, небо мрачно, воду буравятъ волны, сверху дождь, снизу прибой валовъ, а фрегатъ, переваливаясь съ боку на бокъ, несется на всѣхъ парусахъ къ опредѣленному мѣсту. Утренній чай, обѣдъ и ужинъ, приправляемые общею дружескою бесѣдою и заморскими винами, шли своимъ чередомъ и съ такимъ

ашпетитомъ, котораго, по трехдневномъ постѣ, на сушѣ не бываетъ. Право чудная и пріятная жизнь на морѣ; всѣ свои пѣть ни кого чужихъ, у всѣхъ общее непрерывное и неизмѣнное желаніе мира, тишины и спокойствія; занятія по службѣ смѣнялись дружескими разговорами за общимъ столомъ; своя семья, своя радушная бесѣда. 8-го ноября шли мы въ виду острова Мадеры, 13-го показались издали Тенерифъ и извѣстный исполнѣ природы, Тенерифскій пикъ. Озаряемый лучами солнца, пикъ представляетъ съ открытаго моря превосходно изумительную картину. Видъ его совершенно походить на сахарную голову, вышина этой знаменитой горы болѣе 3-хъ верстъ, нагорная возвышенность покрыта вся снѣгомъ, а въ подножіи ея очаровательная долина, прозябающая зеленью. 14-го ч. пристали мы къ острову Гомеро и войдя въ портъ главнаго города с. Себастьянъ, бросили якорь. Находясь около мѣсяца на пути неба и воды, укаченные, увлажненные, мы рассчитывали отдохнуть на сушѣ и тѣломъ, и духомъ и, о горе намъ, обманулись въ своей надеждѣ. Сбѣжавшіеся сотнями на берегъ жители, стѣзжать намъ на сушу не дозволили и разрѣшенія на это отъ мѣстнаго ихъ начальства не послѣдовало подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы у насъ на Руси холера, что нѣкоторые изъ насъ быть можетъ заражены этою болѣзнію, а болѣзнь эта перейдетъ отъ насъ и къ нимъ. Сколько ни бились, сколько ни увѣряли ихъ, что мы не холерные, а совершенно здоровые, что намъ нужно только обсушиться, — осталось безуспѣшно. Одно лишь было къ намъ со стороны жителей снисхожденіе, пристать на шлюпкахъ къ берегу для переговоровъ съ ними о нужной намъ провизіи. Провизію эту они хотя и доставляли къ берегу, а воду привозили лично на фрегатъ, но за нее спрашивали непомянутую плату, довольно сказать, что съ ведра прѣсной воды брали по 12 коп. сер.; слѣдующія деньги поставщики брали отъ насъ изъ опасенія заразы не иначе, какъ чрезъ омовеніе ихъ въ укусы и обтираніе на-чисто полотенцами. Любопытно было смотрѣть на двѣ партіи: — отдающую деньги и принимающую ихъ. Около самаго берега поставлена была чаша съ уксусомъ, въ которую ревизоръ

нашъ опускалъ золото, золото это вынималось потомъ мѣстными счетчиками, отиралось полотенцами и передавалось старшимъ, не доставало лишь какого нибудь окуриванія! Смотри на эту картину невольно пришло мнѣ на память то время, когда въ 1830 г., въ первый разъ появленія у насъ на Руси холеры, — я выдержалъ въ одномъ изъ карантинныхъ четырехдневное окуриваніе меня, нехворощею и другими удушливыми травами, Ниціе себастьянскіе не были разборчивы на холеру, они хватали наше подаваніе изъ рукъ въ руки: «дареному, дескать, въ зубы поглядятъ», всякое даваніе во благо и всякъ даръ совершенъ! — Впрочемъ и этимъ бѣднякамъ, палочными побоями и толчками, воспрещалось брать отъ насъ подаваніе. Жадность и корыстолюбіе, какъ видно, владѣютъ этимъ народомъ бѣднымъ, полунагимъ, малорослымъ и худощавымъ. За тѣмъ матушкѣ сушѣ низайшій поклонъ, да и былъ таковъ! 18-го ноября мы оставили негостеприимный портъ Св. Себастьяна. 24-го прошли мимо Зеленаго мыса. 1-го ч. декабря перешли за экваторъ. Торжественное русское «ура» огласило пустынные воды чуждаго намъ океана. 2 чис. благодарственно молились мы о благополучномъ переходѣ нашемъ изъ одного полушарія въ другое. Не миновалось и безъ стародавняго у моряковъ обряда — отпраздновать переходъ свой чрезъ экваторъ. Миеологическій обрядъ этотъ изстари ведется у моряковъ и преимущественно у тѣхъ, которые въ первый только разъ переходятъ изъ Сѣвернаго полушарія въ Южное. Разказывать объ этомъ не новомъ уже обрядѣ, сопровождаемомъ всегда разными затѣями, шутками и прибаутками, значило бы повторять то, о чемъ нѣсколько разъ такъ много написано, такъ подробно разказано. А вотъ наступилъ нашъ истинно благолѣпный и торжественный праздникъ: 6-е декабря, праздникъ и храмовой, и соименный нашему всероссійскому Императору. Съ вечера всенощная, по утру литургія съ молебствіемъ, далѣе отличный завтракъ и сытный съ заздравнымъ виномъ обѣдъ и душевно и тѣлесно развеселили праздновавшихъ.

ГЛАВА II-я.

Ріо-Жанейро.

11-го декабря 1853 года начали мы сближаться съ берегами Америки и, первая приблизительная къ матерой землѣ точка— была мысъ Фріо, за тѣмъ показалась гора, прозванная по виду своему, «Сахарною головою», наконецъ 13 ч. представился намъ великолѣпный портъ Ріо-Жанейрскій съ очаровательными долинами и церквами и монастырями на холмахъ. Куда бы ни были обращены взоры, все приводитъ въ восторгъ, изумленіе: безоблачное небо лучезарно сіяетъ на горизонтѣ; ароматическій воздухъ разлитъ по всему пространству не какъ самую природою, а щедрою кадильною рукою придуманныхъ благоуханій. Природа до того не поскупилась обставить Ріо-Жанейро самыми очаровательными, живыми картинами, что могущественная рука человѣка, ни убавить что либо изъ этихъ творческихъ картинъ, безъ прямыхъ уродливостей ихъ, ни прибавить чего либо лучшаго къ прекрасно уже само по себѣ совершенному,—не въ состояніи. Видя въ первый разъ такую великолѣпную мѣстность, кто не воскликнулъ бы съ созерцателемъ красотъ Божіихъ «яко возвеличиша ся дѣла твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси и въ твореніи семъ зѣло углубиша ся помышленія твоя (пс. 91 ст. 6, 103 ст. 24 снес. премудр. глав. 13 ст. 5)! 14-го числа, по обыкновенномъ салютѣ, мы съѣхали на берегъ, который весь былъ покрытъ множествомъ народа. Представьте себѣ нашу радость, наше душевное удовольствіе, послѣ двухъ мѣсячнаго пребыванія на водѣ, выйти на сушу, ходить на просторѣ и, къ довершенію, наслаждаться живописною природою? Пусть меня по нарѣчію не понимали жители, пусть я казался имъ по платью, страннымъ и удивительнымъ, но не обращая на это вниманія и на толпы народа, за мною слѣдовавшія, я вездѣ ходилъ свободно, все высмотрѣлъ безпрепятственно. Городъ Жанейро обширно расположенъ на самомъ привлекательномъ мѣстоположеніи, большая часть окружена водою залива, остальная обложена цвѣтущими холмами и высокими горами. По мѣстности нашей декабрь всегда сопут-

ствуется глубокими снѣгами, трескучими морозами, вьюгами и ураганами, о зелени же въ поляхъ и садахъ помину нѣтъ; а здѣсь тотъ же декабрь, но въ видѣ самомъ роскошномъ майскомъ. Начиная отъ приземистой травки - муравки до необыкновенныхъ вышиною и необъятныхъ толщиною: сосны, кедра, кокоса, клеща, банана и другихъ—все зеленѣетъ, свойственно цвѣтеть и уповательно благоухаетъ. Смотришь на все не нагладишься, вдыхаешь воздухъ не надышешься. Городъ дѣлится длиннымъ, широкимъ проспектомъ на двѣ части, постройка домовъ по ту и другую сторону, изящна; императорскихъ дворцовъ два: одинъ загородный, въ которомъ имѣетъ свое пребываніе императоръ бразильскій, далѣе арсеналь, монетный дворъ, таможня и биржа; другой дворецъ внутри самаго города, около торговой площади; но дворцы эти по наружности далеко не ровня великолѣпнымъ чертогамъ русскимъ: Зимнему, Константиновскому — въ Петербургѣ и Николаевскому—въ Москвѣ. Церквей множество, изъ коихъ особенно замѣчательны: храмъ Богоматери—«благоспѣшенія странствующихихъ», на отличномъ, красивомъ мѣстоположеніи; соборная—Богоматери преславная, свѣщницы, св. Себастіана придворная и св. Креста приходская. На главѣ вмѣсто креста у иныхъ изображеніе мѣсяца, а у другихъ пѣтуха; во всѣхъ церквахъ я бываю и вию службы и во время таковой; не могу скрыть моего удивленія, когда въ одной церкви увидѣлъ я въ самое совершеніе службы, ходящую тутъ же собачку; для чего присутствіе ея здѣсь допускается, и конечно не случайно, я освѣдомиться не могъ. Монастырей также довольно, при нѣкоторыхъ изъ нихъ многолюдныя учебныя заведенія. Радужный патеръ-монахъ, строгій по видимому исполнитель монастырской жизни, съ радушіемъ показывалъ мнѣ богатство церковной ризницы, водилъ по садамъ, цвѣтникамъ и другимъ заведеніямъ: я не надѣялся, но на самомъ дѣлѣ нашелъ для себя большую ласку и доброе гостепріимство у всѣхъ подвижниковъ здѣшнихъ монастырей. Одинъ изъ монаховъ пригласилъ меня въ свою келью и чрезъ нѣсколько минутъ она была уже наполнена его братією; подана прекрасная закуска, отличное вино и пошло радушное угощеніе; къ сожалѣнію, мы не могли иначе

разговоръ свой вести, какъ только знаками, понимаемыми впрочемъ съ обонхъ сторонъ; хотѣлось мнѣ видѣть общую ихъ трапезу, но данный однимъ, по видимому старшимъ изъ монаховъ, знакъ, показывалъ, что этого допустить почему-то нельзя. Каждый разъ, какъ я бывалъ въ монастыряхъ, страннолюбивые монахи, мало того, что ласково принимали и роскошно угощали у себя дома, они при проводахъ наперерывъ одинъ предъ другимъ дарили меня на память о себѣ, кто какою либо вещь, кто сорванными тотчасъ съ дерева кокосами и лимонами, иной персиками и ананасами, другой фингами и мангабами: одна лишь рѣдкость сохранилась у меня—это четки, подаренныя мнѣ на память старшимъ монахомъ. Гулялъ я нѣсколько разъ въ садахъ, дивное и рѣдкое собраніе до сего невиданныхъ произрастеній изумляло меня до крайности; аллеи испещрены душистыми цвѣтами, дорожки усыпаны золотистымъ пескомъ, прохладительныя бесѣдки раскрашены картинно, на деревьяхъ созрѣваютъ плоды, перелетныя птички поютъ, усладительно все, отъ зрѣнія до слуха, восхищало меня нерѣдко до того, что я съ большимъ сожалѣніемъ оставлялъ прекрасную мѣстность. Удивительно, какъ плодовицы въ этой странѣ деревья! 20 числа декабря я похоронилъ на ріо-жанейрскомъ кладбищѣ нашего матроса Захарова; по совершеніи мною обряда, подошелъ ко мнѣ пасторъ, познакомились и пошли гулять между цвѣтныхъ памятниковъ (могила каждаго покойнаго усажена здѣсь превосходными цвѣтами:) проходя садомъ, пасторъ отломилъ небольшую вѣтвь прекрасно растущаго дерева—банана, на которой я насчиталъ около сотни плодовъ; дерево бананъ растетъ красиво и столь плодоносно, что для каждой вѣтви его непременно нужна прочная подставка. Городъ весьма многолюдный, коренные жители его бразильцы, прибылые индѣйцы, негры, португальцы, французы и англичане, роскошь въ домоводствѣ и щегольство въ одеждѣ, ручается, какъ видно, за ихъ достаточность. Народъ болѣе торговый и торговлю свою обширно ведетъ: сахаромъ, табакомъ, кофе, перцемъ, лимонами, персиками, кокосами, строевымъ дѣсомъ, красивыми деревьями, кожами и многими другими предметами. Главная торговая площадь, болѣе

прочихъ рыночныхъ мѣстъ, наполнена народомъ, продажа и покупка всякаго рода товаровъ съ ранней зари до поздней ночи не останавливается, тамъ сбываютъ: красивое дерево и за него получаютъ матерію; въ другомъ мѣстѣ мѣняютъ сахарный песокъ табакъ, фрукты, на сало и пеньку, далѣе хлопчатую бумагу и пряности, вымѣниваютъ на вино, сталь и сукна, словомъ сказать: кто только чѣмъ богатъ, тѣмъ и обмѣняется съ другимъ радъ. Шагу впередъ не сдѣлаете безъ того, чтобы навязчивый торгашъ не предложилъ вамъ купить что либо изъ его товара, а купили, докучливый негръ, какъ тутъ съ своею услугою, на исправность и вѣрность въ доставкѣ вашей покупки къ мѣсту, ничтожное вознагражденіе за труды, вы смѣло полагайтесь на свободаго негра, онъ голъ какъ соколъ, а въ дѣлѣ своемъ исправенъ. Черный полунагой сбродъ негровъ и негритянокъ безпрестанно изъ стороны въ сторону снуетъ по городу съ тяжелыми ношами на плечахъ. Дѣло другое — негры-невольники; они, запряженные подвое, вмѣсто лошадей, въ телѣгу, наполненную или землею, или камнемъ, даже какимъ либо другимъ товаромъ, не обращаютъ вниманія на самые жесточайшіе побои погонщика; телѣга запнулась по тяжести своей въ ложбинѣ, имъ отпущать самый полный ударъ палкою, поморщатся, принагужатся и телѣга съ грузомъ пошла въ ходъ; негры-невольники раскапываютъ рудники, расчищаютъ водопроводы, возятъ денно и ночью колымаги, словомъ, исполняютъ всѣ тѣ тяжелыя работы, которыя у насъ свойственны однимъ только лошадямъ и воламъ; я видѣлъ такія работы негровъ-невольниковъ и по человѣчеству сердечно сострадалъ о несчастной долѣ, обратившей ихъ въ скотовъ; казалось бы за что бѣдныя страдаютъ такъ жестоко, вслѣдствіе чего обращены въ полуживотныхъ? Вслѣдствіе закоренѣлой лѣности своей, сказали мнѣ; онѣмѣлаго безчувствія, воровства, склонности безсознательно дѣлать возможное зло другимъ; пока въ рукахъ владыльца, негръ постоянно желаетъ независимости, а дай ему волю, онъ съ своею независимостію надѣлаетъ тысячу преступленийъ, при малѣйшемъ поущеніи свободы, убѣгая въ лѣса и горы, скитается тамъ среди многихъ опасностей и согласенъ лучше

терпѣть всякаго рода нужду, голодъ и бѣдствія, нежели работать на фермахъ зажиточныхъ людей, пить, естьготовое и, въ добавокъ, еще получать за трудъ свой поденную плату. Таковыхъ трутней тунелдцевъ много на бѣломъ свѣтѣ; ищутъ воли, «а воля», поговариваютъ на Руси «и добра коня портить», «добре рѣбѣ, добре и буде!» Лавки и магазины размѣщены по сортамъ товаровъ: линия товаровъ шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ, линия цвѣтная, линия стальныхъ и мѣдныхъ вещей и, наконецъ, линия птичная, послѣ многихъ другихъ. Не для покупки, но изъ одного лишь любознанія, я переходилъ изъ лавки въ лавку, изъ магазина въ магазинъ. При входѣ моемъ продавецъ тотчасъ предлагаетъ свой товаръ и, конечно, лепечетъ о цѣнѣ за него, мнѣ что за нужда: я не понимая словъ, укажу лишь на глаза свои, что я не для покупки вошелъ, а для просмотра и дѣлю понято. Въ одномъ мелочномъ магазинѣ былъ со мною и такой случай: вхожу, продавецъ сначала обсмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, подивился моею рысью, промурчалъ что-то и за тѣмъ предлагаетъ мнѣ купить любую изъ его вещей, я указываю ему на глаза и, къ удивленію, десятки разныхъ очковъ и зрительныхъ трубокъ готовы къ моему выбору. Хотя дожилъ я до шестатаго десятка лѣтъ и въ очкахъ надобности пока не имѣю, но въ удовольствіе продавца примѣрилъ одни, посмотрѣлъ въ другіе, не по глазамъ... и выходя, оставилъ услужливаго продавца въ недоразумѣніи; было и то, что иные продавцы понимали мой приходъ и съ удовольствіемъ показывали все дивное, все заморское—имѣющееся у нихъ. Линія птичная—это полное собраніе всѣхъ породъ: звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ. Большую часть времени пребыванія нашего въ Рио-Жанейро мы, заѣзжіе, проводили въ линіи птичной; чего тутъ нѣтъ? и разнообразные звѣри, и разноцвѣтныя птицы, страшныя животныя и прелестныя насѣкомыя, усладительно поющіе дрозды, безобразныя обезьяны и миловидныя колибри, каждому звѣрю, каждой птичкѣ свое отдѣленіе, своя клѣтка, далѣе комната рѣдкостей, еще комната чучель..... любуйся всѣмъ донельзя! Право, нерѣдко чрезъ свою увлекательность, я оставался безъ общаго обѣда. Но особеннымъ дивомъ въ Жанейро казался намъ тотъ прекрасный

и обширный магазинъ, въ которомъ находится безчисленное собраніе всякаго рода издѣлій изъ однихъ птичьихъ перьевъ. Я не сумѣю передать, какъ составляется изъ мельчайшихъ перышекъ цѣлое женское платье, не скажу и того, какъ набрана изъ перьевъ цѣлая шляпа, сдѣланъ какой либо другой весьма затѣйливый нарядъ и въ особенности головной уборъ; но подборъ пестрыхъ цвѣтовъ, наложенныхъ на перья природою, сочетаніе ихъ въ одномъ цѣломъ такъ привлекательно, такъ заманчиво и такъ миловидно, что на иной предметъ смотришь и еще—еще смотрѣть хочется..... При магазинѣ — фабрика, на которой работаютъ множество американокъ. Не разъ я бываю и въ загородной прогулкѣ: тутъ тѣнистыя рощи и пушистая зелень улаждаютъ васъ прохладою, тамъ вольныя изукрашенныя птицы порхаютъ, поютъ очаровательно, идете далѣе — цѣлое стадо разноперыхъ, крикливыхъ, поугаевъ; еще далѣе—съ дерева на дерево прыгаютъ обезьяны; далѣе.... нѣтъ, неходите далѣе! тамъ чрезъ любопытство свое встрѣтите, быть можетъ, вѣчное для костей своихъ успокоеніе, тамъ обиталище страшныхъ кровожадныхъ, пріютъ вредоносныхъ и ядовитыхъ насѣкомыхъ. На горахъ и въ долинахъ палиціи зной нашему брату сѣверяку-невыносимъ, вы желаете охладиться, утолить свою жажду? вотъ предъ вашими глазами изъ утеса бьетъ ключевая, прозрачная вода, но воду эту, нельзя назвать кипяткомъ, нельзя сказать, чтобы она была и холодная, а такъ середина на половинѣ: полутеплая и полухолодная, утоляющая жажду, но не охлаждающая васъ самихъ отъ сильнаго зноя. Купались мы нѣсколько разъ въ день, перемѣняли бѣлье по три и четыре раза,—вотъ таковъ климатъ бразильскій! Хлѣбъ, по особенному изобилію пшеницы, чистый, бѣлый и отлично вкусный. Сарачинскаго шпена, всякаго рода плодовъ, овощей и фруктовъ черезъ верхъ полно, но мясо или вовсе отвратительное, безвкусное, гнилое и несносное къ употребленію, или полухорошее, но въ маломъ количествѣ и въ сравненіи съ нашими цѣнами непомерно дорого; всеневная пища жителей—рыба и рыба; свойство добродушія, ласковости и гостепрѣимства отличаетъ коренныхъ бразильцевъ отъ пришлецовъ изъ другихъ странъ свѣта, принимая къ себѣ

на домъ, добрые бразильцы не забывали посѣщать и насъ на фрегатѣ, честь за честь, угощеніе за ласку—были и нашимъ привѣтомъ, особенно былъ приливъ жителей къ фрегату наканунѣ нашего отбытія изъ порта: всѣ городскіе жители стеклись на берегъ, стояли и поздравляли насъ съ славною побѣдою, одержанною надъ турками при Синоцѣ. По заготовленіи нами всего нужнаго на предстоящій путь, настала наконецъ пора оставить эту очаровательную страну, со всѣми ея прекрасными мѣстополюженіемъ, видами, климатомъ и гостепріимными жителями. 7 января 1854 г., по утру, фрегатъ нашъ, при душевномъ проводѣ многими стекшихся на берегъ жителей, распростился съ Рио-Жанейро и направилъ свое плаваніе вокругъ мыса Горнъ.

ГЛАВА III.

Мысъ Горнъ. Штормъ въ морѣ. Морскіе жители.

Первый день по отъѣздѣ нашемъ изъ Рио-Жанейро, всѣмъ намъ какъ-то нездоровилось; болѣзнь эта не была, однакожъ, тѣлесная: сожалѣніе о скоромпрошедшемъ удовольствіи и скука снова, на долго предстоящей однообразной морской жизни, томил, казалось, душу cadaго. Разговоръ ли общій начинался, скоро онъ же и кончался; но моряку ли есть время скучать, мореходу ли нѣтъ развлеченія? Засвѣжѣлъ вѣтеръ, налетѣла буря, поднялись гряда за грядою волны, мачты трещать, паруса чуть нелопаются, фрегатъ съ боку на бокъ бросаетъ словно щепку мелкую; вотъ моряку забава, вотъ его веселость, тутъ уже думу свою оставляй за морями, какъ бѣда стоитъ предъ глазами! Чѣмъ ближе подходили къ мысу Горнъ, чѣмъ болѣе ожидали постоянной погоды, тѣмъ чаще повторялись грозныя бури, дождь, снѣгъ, градъ съ верху, страшный прибой валовъ и толчея снизу, а 12-го ч. февраля мысъ Горнъ, какъ-бы въ заключеніе того, какими

бойбми онъ владѣть силами, угостить насъ на разставаньи съ пимъ штормомъ, да такимъ, что я до конца своей жизни едвали забуду; нечего сказать, мысъ Горнъ настрацалъ гибелью; но Господь помиловалъ обуреваемыхъ и милосердо спасъ людей своихъ. Если кто, то вѣрно бывший на мысъ Горнъ сложилъ-поговорку: «кто на морѣ небывалъ, тотъ до-сыга Богу не маливался». Кромѣ общаго ежедневнаго страха, со мною одна была бѣда, которая чуть головою не повершила; въ ночь бурливая погода у-смирилась, утро оказалось прекрасное, небо чистое, солнце свѣ-тило ярко, вѣтеръ былъ для фрегата попутный, словомъ, все обѣ-щало тишину и спокойствіе; думаю себѣ, теперъ и мнѣ можно выйти изъ своей каюты на верхнюю палубу; вздумано и сдѣлано. Осмотрѣлъ водяныя окрестности, полюбовался умѣреннымъ кар-тиннымъ волненіемъ, прошелся разъ десятокъ по палубѣ и при-слонясь къ пушкѣ, только что хотѣлъ поразговориться съ г. г. офицерами; какъ ни съ того ни съ другаго, мигомъ налетѣвшая буря, хватила валомъ въ фрегатъ, сильно качнула его, я съ ногъ долой и покатился къ другой сторонѣ, наконецъ опаматовался, собрался съ силами и уже ползкомъ пробрался въ свою каюту. Сопровождаемый шутками г. г. офицеровъ, что походка моя по-ремѣнилась въ нечеловѣческую. Съ большимъ удивленіемъ въ иное время со страхомъ и трепетомъ смотрѣлъ я на то му-жество моряка, съ которымъ онъ на жизнь или смерть борется съ неукротимыми волнами, ту отчаянную его храбрость, которую онъ выказываетъ въ минуту предстоящей гибели и то самоот-верженіе, съ которымъ онъ, во мгновеніе ока, взлѣзаетъ по ве-ревочнымъ лѣстницамъ на самый верхъ мачты, перекидывается съ одного паруса на другой, смѣло стоитъ надъ бездною моря. Ему не страшна, какъ видится, буря — онъ самъ вихрь, его не пугаетъ, что одна минута оплошности, потеря рассчитаннаго рав-новѣсія и онъ, безъ куля и баластины, живая добыча, нежи-данное лакомство прожорливой акулы; что ему нужды до этого? Онъ, сознавая свою силу, свою ловкость, презрительно смотритъ на бунную стихію и съ усердіемъ исполняя свой долгъ, ви-димо радуется случаю бойко помѣрить силы свои, съ силами во-

дяной природы! Не видывалъ я прежде морей, живя въ деревнѣ при мелководной рѣчкѣ, не плавалъ я нетолько въ большихъ судахъ, но даже и въ рыбацкѣй лодкѣ,— буря на водѣ и волны ея мнѣ не знакомы; разнородные водные жители и во снѣ не грезились, словомъ, морская жизнь мнѣ вовсе была не извѣстна, а тутъ на шестомъ десяткѣ лѣтъ, чего не досталось видѣть? Все то, о чемъ я скажу далѣе, конечно болѣе, а быть можетъ менѣе извѣстно вамъ, мой читатель; въ первомъ случаѣ или повѣрьте мои слова, или если скучно читать мой рассказъ, начинайте ваше чтеніе съ четвертой главы, а въ послѣднемъ примите къ свѣдѣнію, каковы есть немногіе мною видѣнные жители морской стихіи. Выше я упомянулъ объ акулѣ, съ нее и начинаю мое слово: Акула, или какъ моряки ее называютъ: «морская собака и людоедъ», съ 1-го февраля неотступно начала слѣдить за нашимъ фрегатомъ. Ко мнѣ, а преимущественно къ доктору, часто относились съ вопросами: все ли благополучно, нѣтъ ли въ лазаретѣ трудно больныхъ, песь-то недаромъ день другой, юлитъ около фрегата! «Все обстоитъ благополучно» и вопросы о появившейся гостьѣ, кромѣ разговора объ ней самой, оставались неразгаданными до 5-го февраля. Въ ночь съ 2-го на 3-е число оказалось, что бывшій до сего времени полуздоровымъ матросъ Иванъ Петровъ захворалъ и такъ разболѣлся, что принимаемая медикомъ средства, не подавали ему облегченія; оставалось напутствовать его въ загробную жизнь, послѣ чего онъ вскорѣ и умеръ. Мною совершенно, какъ слѣдуетъ, отпѣваніе, а по штату отпущены куль, да баластина и, на морѣ море же могила. Тѣмъ же днемъ я слышалъ разговоръ, что «парха» (акула) отъ фрегата де отстала. Акула животное морское, огромное, самое лютое, самое кровожадное и прожорливое. Если проглотить цѣликомъ остовъ человѣка ей ни почемъ, то бѣдная рыба и рыба, какъ говорится, ей не попахнетъ и въ горль у ней незастрянетъ. Чутье у ней къ лакомству, видится, отмѣнное, неодолимый врагъ ея—одинъ только китъ. Образина ея съ головы собачья, туловище раздутое свиное, хвостъ продолговатый и кверху кольцомъ завитой. Постоянно открытый ротъ, гораздо ниже верхней

челюсти, съ пятью одна другой неровными жабрами, зубы въ три ряда на каждой челюсти, трехугольные, острые съ занозами по бокамъ, глаза яркіе и цвѣта краснаго, за ними два уха, чрезъ которыя выходитъ въ ротъ наливающаяся вода, шея съ выемкою, брюхо толстое, на которомъ два и на спинѣ два въ перемежку большія щетинистыя крыла—красноватыя, хвостъ кошлатой собаки, съ крыломъ посрединѣ, цвѣтъ кожи какъ цвѣтъ золы. Какова штука? Она была у насъ на фрегатѣ съ глазу на глазъ; но была только не такая величиною, которая отстала отъ насъ 5-го февраля, а гораздо меньше, такъ примѣрно сказать: аршина въ полтора. Свободные отъ службы матросы, изволите видѣть, охотились на волчатъ, а попали въ медвѣдя, били трезубцемъ такъ называемыхъ морскихъ свинокъ, а попалась на уду агула. Много труда стоило втащить этого звѣря на палубу, не съ кѣмъ подрасться, такъ и морской врагъ подъ руку—матросу русскому не попадай: «ура» и прожора звѣрь въ плѣнъ захваченъ; долго любовались мы чудовищемъ, потомъ снявъ кожу и изъ ней набивъ чучело, отвратительное мясо выкинули за бортъ; и въ морѣ, что на супѣ: однимъ врагомъ меньше, на душѣ какъ-то легче. «Худая трава изъ поля вонъ!» Промолвился я о морскихъ свинкахъ, надо объ нихъ и договорить: въ хорошую и дурную погоду игривость сотенъ этихъ животныхъ за фрегатомъ, по бокамъ его и впереди, представляла пріятное намъ развлеченіе бывало возьметъ ли тоска - кручина, наскучить ли сидѣть въ каютѣ, стоитъ только подняться на верхнюю палубу — и смѣшная стая свинокъ мигомъ изгладитъ самое глубокое раздумье. Ызжали ли вы, мой почтенный читатель, проселочными дорогами, если это съ вами былое, то конечно былое и то, что при закатѣ солнца — миллионы мошекъ разнообразно вились около вашего экипажа, онѣ то обгоняли васъ, то оставались назади и снова, съ величайшею быстротою совершали впередъ свой полетъ; онѣ тѣшились, а утѣха ихъ самихъ вамъ же служила забавою, а быть можетъ и отвлеченіемъ отъ неблагопріятныхъ думъ. Проѣзжали ли вы въ лѣтнее время чрезъ незнакомыя вамъ селенія? едва показались въ околицу, чуть залаяла одна собака и

проводы собачьи ни дать ни взять какъ въ баснѣ Крылова «прохожіе и собаки»,—чрезъ все селеніе готовы; но проводники эти,— то отстающіе отъ васъ, то впередъ забѣгающіе, хотя для васъ сидящаго на повозкѣ — безвредны, но страшно докучливы своимъ лаемъ. Свинки морскія своимъ дѣйствіемъ къ этому приблизительны, но по свойству и игривости утѣшительны: они частенько въ запуски пускаются съ фрегатомъ, оспариваютъ его легучесть, отстаютъ, снова пристають, быстро погружаются въ воду и также скоро всплываютъ на поверхность воды, пищать выражая свое, быть можетъ, негодование, а можетъ быть и удовольствие звукоподражательно слову: «ухъ!» «ухъ!».... Свинка,— это водяное животное — называется по своему рыльцу, которое очень походитъ на рыло маленькаго поросенка; величиною съ собаку, игрива и безвредна, быстро плаваетъ и занимательно напѣваетъ свое: «ухъ - ухъ!» Летучая рыба, а по моему скорѣй рыба прыгунья, нѣсколько разъ въ день была видима нами, за мысомъ Горнъ — въ Тихомъ океанѣ и гораздо болѣе нежели сколько въ Атлантическомъ океанѣ. Преслѣдуемая врагомъ своимъ—свинками, рыба эта поднимается надъ водою, дѣлаетъ быстрый весьма продолжительный скачокъ по воздуху и снова падаетъ въ воду; нерѣдко спасаясь отъ такого преслѣдованія, она опускается прямо на палубу вблизи проходящаго судна; въличина летучей рыбы около полуаршина, спустившаяся на нашъ фрегатъ рыба, была съ большими, начиная отъ шеи до хвоста крыльями, крылья эти подобны крыльямъ летучей мыши: съ лицевой стороны превосходно украшены въ нѣсколько рядовъ разноцвѣтными поликами, близко похожими на украшеніе перьевъ павлина, голова ея тупообразная, весь корпусъ,— щучій, хвостъ широкій трехугольникомъ, мясо весьма вкусное и пріятное. Много, очень много разнородныхъ рыбъ морскихъ видали мы въ проѣздъ свой по Тихому океану; начиная отъ огромнѣйшаго кита, забавно бросавшаго не вдалекѣ отъ насъ фонтаны, до юлистой молявки — все занимало, удивляло и развлекало нашу пустынную жизнь.

ГЛАВА IV.

Вальпарайсо. Жители его. Знакомство съ французами и англичанами. Загородная мѣстность. Нашъ отъѣздъ. Праздникъ насхи на Тихомъ океанѣ.

22-го числа февраля мы прибыли въ портъ Вальпарайсо. Открытая мѣстность, постройка города, многочисленность народа, покрывшая весь берегъ, представились на первый разъ зрѣнію нашему. Мы съ большимъ удовольствіемъ ожидали той пріятной минуты, въ которую сойдемъ на берегъ и лицомъ къ лицу: себя покажемъ и другихъ посмотримъ. Кстати не лишнимъ нахожу рассказать вамъ о томъ наружномъ приготовленіи фрегата, которое въ день прихода въ портъ дѣлали наши моряки и о той бѣглости матросовъ по мачтамъ, которой, прямо можно выразиться, они хвалились туземцамъ. Входя въ какой либо портъ, фрегатъ омывался чисто-на-чисто, снаряжался флагомъ, паруса ставились и украшались парадно, матросы — приглаженные, приодѣтые, разставлены по своимъ мѣстамъ, словомъ: все чисто, красиво, нарядно, исправно и въ такомъ-то видѣ судно бодрымъ гоголемъ вступаетъ въ иностранный портъ: — «знай нашихъ!» Бросивъ въ извѣстномъ разстояніи отъ прибрежья якорь, начинается у матросовъ та работа по мачтамъ и съ парусами, которая близко подходитъ къ поговоркѣ: «себя показать». Дѣйствительно, они себя и показываютъ: съ скоростью вѣкши лѣтаютъ они по мачтамъ, съ неимовѣрною быстротою убираютъ паруса и мигомъ безкрылыя мачты остаются свидѣтелями, что фрегатъ приготовленъ къ отдыху на нѣкоторое время. На второй день мы стѣхали на берегъ; съ ранней зари всѣ жители сбѣжались на посмотръ насъ — русскихъ. Трудно высказать случайное свиданіе націй, раздѣленныхъ морями и океанами; свиданіе это болѣе любопытство и удивленіе, нежели ожидаемое знакомство, болѣе посмотръ одинъ другаго, нежели радостная встрѣча родныхъ и друзей. Мы дивились жителямъ, они дивились намъ и толпы народа, разступаясь, давали дорогу путеводителю до мѣстной гостинницы. Содержимая англичанами

гостинница точно прекрасная, кушанье отличнѣйшее, большою частію рыбное, прислуга усердная и на первый разъ для насъ довольно. Съ третьяго дня по приѣздѣ, начались и вмѣстныя и отдѣльныя наши прогулки по городу. Вальпараисо городъ богатый, многолюдный, и численность прибылыхъ англичанъ и французовъ превосходить, мнѣ кажется, число осѣдлыхъ, лицомъ свѣтло-желтыхъ, американцевъ. Храмы западной церкви не достопримѣчательны, постройка домовъ (строеніе и обнесеніе ихъ приблизительно къ нашимъ) болѣе деревянная, нежели каменная, крыши соломенные и черепичныя, наружность домовъ раскрашена картинно, убранныя цвѣтами галлерей, или балконовъ, почти каждый прикрытъ отъ солнечныхъ лучей изящными руководѣльными занавѣсами, на балконѣ утвержденъ длинный шестъ и на шестѣ этомъ развѣвается національный раскрашенный флагъ; все это очень близко походить на наши загородныя дачи; улицы узкія, но чистыя, грунтъ земли бѣлый, песчаный и каменистый; болѣе всего замѣчательна на возвышенномъ мѣстѣ крѣпость, обнесенная каменною высокою стѣною; прекрасная дорожка ведетъ кругообразно къ этой крѣпости по взгорью, на которомъ стоитъ въ шесть или семь ярусовъ башня, близко похожая на нашу пожарную каланчу; видъ съ нея на окрестности города очаровательный. Торговая площадь, кромѣ богатыхъ лавокъ и магазиновъ съ европейскими предметами, изобильна виноградомъ и арбузами, послѣдніе весьма дешево. Хлѣбъ исключительно бѣлый и вкусный, картофеля много, рыбы вдоволь; радушіе, ласки и расположеніе почтительныхъ американцевъ къ иноземцу, рѣзко отличаютъ ихъ отъ надмѣнныхъ французовъ и надутыхъ англичанъ; въ одной изъ фруктовыхъ лавокъ я покушалъ виноградъ и яблоки, добродушный американецъ съ пріятною настойчивостію предлагать мнѣ разнаго рода угощеніе. — «Да какъ же вы, батюшка, — спросите меня, — торговались съ американцемъ за покупаемое у него, не понимая нарѣчія одинъ другаго?» Первое то, что у американцевъ нѣтъ той манеры запрашивать цѣну, превышающую качество покупки, у нихъ это не принято и строго преслѣдуется правительствомъ и второе, указавъ (я говорю собственно о себѣ)

на покупаемую вещь, отдаю по моему соображенію о стоимости таковой, деньги обращающіяся тамъ; мало—продаватель считаетъ мнѣ недостатокъ по пальцамъ, излишніе далъ,—возвращаетъ обратно, и кончено. Не мало обращено было мое вниманіе на водовозовъ здѣшнихъ—по отдаленности воды отъ города они развозятъ ее по дворамъ въ боченкахъ—перекинутыхъ на спину оловъ; вода эта, не совсѣмъ на вкусъ пріятная, продается дорогою цѣною, но въ особенности дороговизна на ледъ, котораго въ Вальпарайсо нѣтъ, но который привозится изъ отдаленныхъ мѣстъ. Ледъ продается здѣсь по полтора руб. сер. за фунтъ, а у насъ—на Руси, подумаль я? Что дѣлать, за моремъ, говорятъ, телушка—полушка, да рубль съ перевоза, жаль денегъ, пей кипятокъ. По прошествіи дождей, часть небогатыхъ жителей поспѣшно идетъ къ ложбинамъ и находитъ въ нихъ много золотой руды, которую очищаетъ и перепродаетъ покупателямъ съ большою выгодною. Разнородныхъ прекрасныхъ раковинъ и коралловъ, выбрасываемыхъ моремъ на берегъ, множество; ихъ мало собираютъ и потому цѣнность таковымъ почти ничтожна, тогда какъ у насъ въ Россіи рѣдкость дорогая. Разгуливая часто по вечерамъ по берегу моря, я собралъ здѣсь и сохранилъ нѣсколько милостивыхъ раковинъ, въ томъ числѣ розовый коралль и раковину называемую: «морское перо». Подумаешь, — какими бы заморскими рѣдкостями каждый изъ насъ не запасся изъ Ріо-Жанейро и Вальпарайсо, если бы мы возвращались въ Россію обратно тѣмъ же путемъ?... Два раза я бывалъ въ здѣшнихъ баняхъ, или прямѣе назвать, ихъ ваннами, о роскоши которыхъ не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ. Это бы еще не удивительно, что баня состоитъ изъ нѣсколькихъ, отдѣльныхъ для каждаго человѣка, изящно меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ стоятъ высѣченные изъ превосходнаго камня (въ Ріо-Жайнеро изъ мрамора): ванны, приготовлены надушенные простыни, полотенце, ароматическое мыло, духи, помада, черепаховыя щетка и гребенка; но крайне удивительно то, что надъ вашею головою тянется длинною перспективою натурально зрѣющей виноградъ; побывали вы въ ванной,

воду въ которой перемѣняютъ однакожъ для одного человѣка не болѣе двухъ разъ, за 1 руб. 20 коп. сер. на наши деньги, страсть какъ разбираетъ охота отвѣдать виноградца, такъ нѣтъ: «видитъ око, да зубъ нейметъ». Припомнишь рассказъ дѣдушки Крылова про лису и виноградъ, и уйдешь скорѣе, чтобы оскомину не набить!.... Внутреннее спокойствіе города преимущественно соблюдается: при малѣйшемъ подозрительномъ происшествіи въ какомъ либо мѣстѣ, при ссорѣ двухъ-трехъ человѣкъ на улицѣ въ ночное время, тотчасъ сторожевыми (которые находятся у воротъ каждаго жителя) дается свистомъ повѣстка и полицейская расправа немедленно является къ мѣсту происшествія. Между тѣмъ какъ каждый изъ насъ любовался городской мѣстностью, высматривалъ, выглядывалъ то или другое, наслаждаясь вполнѣ удовольствіемъ, 3-го марта появился на взморѣѣ идущій прямо къ городской пристани англійскій военный фрегатъ, вооруженный 52-мя пушками. Грѣха таить нечего,—а струхнули мы, предвидя еще отъ Рио-Жанейро непріятную за нами погоню.—«Ну ребята, говорилъ нашъ командиръ, гость этотъ настагаетъ насъ не съ добрымъ, пожалуй, намѣреніемъ: первое—не робѣть, а второе—биться и драться на-смерть».—«Рады стараться!» было искреннимъ единодушнымъ отвѣтомъ нашихъ храбрыхъ моряковъ. Фрегатъ привалилъ къ пристани, осмотрѣлъ нашу «Діану» на благородномъ разстояніи и выпустилъ свою команду на берегъ. Смотримъ, что будетъ дальше, но насъ не задѣваютъ и мы радехоньки пріѣзжимъ ласковымъ словомъ. Въ ту же самую гостинницу, въ которой мы продовольствовались, сходились и англійскіе офицеры: вмѣстѣ завтракали, обѣдали и даже пуншевали, но безъ малѣйшаго вида какой либо непріязни; слава Богу, говорили мы между собою, дѣлю-то идетъ ладно. 7-го числа, въ воскресенье—усмотрѣвъ былъ на морѣ и другой фрегатъ, идущій къ Вальпарайсо; фрегатъ этотъ оказался французскій, шестидесяти пушечный. Не добромъ пахнетъ, еще подумали мы; однако что будетъ, то будетъ; а будетъ что Богъ дастъ! Привалилъ.... и французы посыпали на берегъ. 8-го числа поутру—извѣстная гостинница наполнилась странниками трехъ раз-

личныхъ націй. Англичане уже намъ знакомы, а въ знакомствѣ съ французами дѣло не стало. Не понимая языковъ, ни англійскаго, ни французскаго, по выраженію только лицъ, взаимному радушному угощенію и рукожатію судить я, что знакомство съ нашими моряками идетъ ласково и дружелюбно. Со дня на день и чаще всего мы сходились съ англичанами и французами въ известной гостинницѣ, нерѣдко завтраками и обѣдали за общимъ столомъ; разговоры нашихъ гг. офицеровъ съ ними, мнѣ въ то время непонятны, подѣ часъ замѣтны были въ спорномъ видѣ; по разговору же между собою нашихъ офицеровъ видилось, что французы всегда превозносили выказанную храбрость русскихъ противъ турокъ при Синопѣ, отдавали преимущество въ знаніи своего дѣла болѣе русскому флоту, нежели флоту турецкому; англичане же хоть и притакивали, но въ согласіи ихъ на это явно просвѣчивались: холодность, зависть и негодование; впрочемъ, искрометное шампанское съ драгоценнымъ льдомъ и пріязненное разставанье обыкновенно заканчивали свиданіе. Ближайшія окрестности Вальпарайсо чрезвычайно гористы, за пять—за шесть верстъ отъ города раскинуты каровательныя долины, по которымъ изгибами протекаетъ быстрая рѣка; зелень, виноградныя лозы, душистые цвѣты, пальмовыя дѣревья чаруютъ зрѣніе и напоеваютъ воздухъ благоуханіемъ. По исправленіи фрегата, 11-го марта мы оставили Вальпарайсо, направивъ путь свой къ Сандвичевымъ островамъ. Снова—вода и небо, та же однообразная жизнь, то же развлеченіе или занятіе, какъ было прежде. Настала великій постъ. Мы начали поститься вполнѣ, вникнули истинно въ самихъ себя, безъ попеченій, пустынно.... Вотъ гдѣ, думалъ я, пустынная обитель — подѣ небомъ, на водахъ неизмѣримаго океана; здѣсь безмолвіе — при шумѣ бурь, при грохотѣ валовъ; и къ мѣсту и ко времени сокрушенное покаянiе—предѣ ежеминутною могилою, на чертѣ между смертію и жизнью! Не понять на сушѣ тѣхъ всеисповѣдающихъ думъ, того искренняго раскаянiя въ своихъ поступкахъ, что перечувствуется, передумается въ бурную погоду на морѣ..... на сушѣ — дума за горами, на морѣ — смерть за

плечами!... 11-го апрѣля въ глубокую полночь вышли мы со свѣчами, крестомъ и иконами на палубу, съ пѣніемъ стихирь: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе! . . . Обойди троекратно между мачтъ шодъ звѣзднымъ небомъ, на водахъ Тихаго океана, при совершенномъ успокоеніи не задолго бушевавшей стихіи—воспѣли мы: «Христось воскресе!...» Послѣдовавшій при семъ троекратный выстрѣлъ изъ пушекъ возвѣстилъ духовную радость нашу не подобнымъ намъ чловѣкамъ, а тварямъ безсловеснымъ—рыбамъ морскимъ. Думалось: была ли пора отъ воскресенія Христова, что кто либо изъ православныхъ, по обряду именно грекороссійской церкви, встрѣчалъ праздниковъ праздникъ на Тихомъ океанѣ? Оглашались ли воды океана всерадостнѣйшимъ благовѣстіемъ воскресенія сотворившаго вся? Не первые ли мы праздновали здѣсь пасху красную, прославили Живоноснаго Источника? Послѣ всерадостной заутрени и литургіи, было общее обычное розговѣнье; мы привѣтствовали съ праздникомъ всѣхъ нашихъ родичей, друзей и пріятелей на Землѣ Русской заглазно; мы радовались также и тою же радостію—къ было въ странѣ родной, въ кругу близкихъ сердцу, въ обществѣ земляковъ..... я обходилъ со крестомъ каюты (безъ преувеличенія) во всю свѣтлую недѣлю, совершая молебное пѣніе точно также, какъ установлено это обычаемъ въ православныхъ городахъ и селахъ.

ГЛАВА V.

Прибытіе на Сандвичевы острова. Конаки-нырки. Городъ и его жители. Представленіе наше королю. Посѣщеніе королемъ нашего фрегата. Рукописи его и королевской фамиліи. Двукратное отбытіе съ острововъ.

Въ концѣ апрѣля начали показываться мелкіе острова—предвѣстники Сандвичевыхъ острововъ. Послѣ продолжительнаго пятидесятидневнаго и крайне утомительнаго плаванія, от-

радно было хотя взглянуть на эти клочки обитаемой земли. Тотъ, кто держалъ хоть полусуточный куда либо путь водою, знаетъ вполне то удовольствіе, которое проявляется при сближеніи съ пристанью, которое ожидаетъ его на берегѣ!... 1-го мая вошли мы въ портъ Гонулулу на островѣ Оагу. Не успѣли еще утвердиться на якорѣ, какъ сотни нагихъ конаковъ окружили фрегатъ нашъ лодками: иные съ удочками для ловли рыбы, другіе же для просмотра новоприбывшихъ незнакомцевъ—русскихъ. Мичману N. N. вздумалось привѣтствовать туземцевъ интересомъ; показавъ конакамъ серебряную мелкую монету, N. бросилъ ее въ воду и, представьте наше удивленіе, подивитесь неустрашимости и самоотверженію островитянъ, около пяти нырковъ мгновенно ринулись съ лодокъ своихъ стремглавъ въ воду... чрезъ нѣсколько секундъ брошенная монета была ужъ въ рукахъ удалца-нырка. Такая ловкость и удалство разохотила многихъ изъ насъ позабавиться конаками-нырками. Долго бросали въ воду то серебряныя монеты, то сахаръ, наконецъ брошена была монета мѣдная, ее также успѣшно досталъ одинъ изъ конаковъ, но посмотрѣвъ что мѣдная, самъ бросилъ въ воду и послѣ сего конаки, безъ показанія имъ монеты, не такъ-то были ретивы до ловли монетъ. Со 2-го числа получено дозволеніе бывать въ городѣ; городъ большой на обширной долинѣ между горами, съ вершинъ которыхъ вытекають ручьи, производящіе множество прекрасныхъ водопадовъ; вода весьма пріятнаго вкуса; главная улица раздѣляетъ городъ на двѣ части, жилия строенія деревянныя, одноэтажныя, покрытыя соломкою или черепицею и вообще архитектуры непрочной. Королевскій дворецъ отличается отъ прочихъ строеній только тѣмъ, что крыша на немъ досчатая; за тѣмъ если и есть въ городѣ постройка болѣе изящная и болѣе красивая, хотя также деревянная, но она принадлежитъ исключительно или англичанамъ, или французомъ, которыхъ здѣсь по торговлѣ весьма много; каждый почти домикъ имѣетъ цвѣтникъ, или пальмовыя и фруктовыя деревья, помѣстительный дворъ съ воротами или безъ воротъ; особенной опрятности и чистоты, къ сожалѣ-

нію, не соблюдается; жители конаки — полунагіе, черные, дикіе; угрюмые и нелюдимые; поклоняются нѣкоторые идоламъ, въ честь которыхъ воздвигнуты разныя капища; находящіеся здѣсь миссіонеры-католики усгѣшно просвѣщаютъ и преобразовываютъ народъ этотъ. Воздѣлываніе полей, рыбная ловля и бой китовъ, составляютъ единственный предметъ особеннаго занятія мѣстныхъ жителей. Пища ихъ — печеная свинина, собачина, рыба, картофель и прочія овощи. Скотоводство изобильное: лошади вообще хорошія, свиньи крупной породы и жирныя, коровъ много, а болѣе того собакъ, которыхъ каждый домохозяинъ разводитъ и откармливаетъ для лакомой своей пищи; другое же лакомство сандвичанъ — старшинъ: рыба — акула; за блюдо это весьма дорого платится и готовится оно только къ почетному, или торжественному столу. Изъ птицъ домашнихъ: индѣйки, куры, гуси, голуби, и утки-шавуны. Въ подобіе нашему русскому хлѣбу, природа сама производитъ здѣсь въ величайшемъ изобилии растеніе, подъ названіемъ «тары.» Она безъ посѣва произрастаетъ на болотистыхъ, влажныхъ мѣстахъ; стебель ея довольно толстый, листья большіе продолговатые, плодъ образуется въ землѣ, къ окончательной созрѣлости круглый, довольно большой — наподобіе нашей тыквы; подъ крѣпкою корою этой тыквы — масса, близко подходящая свойствомъ къ рѣпѣ, изъ которой островитяне вальками свиваютъ тѣсто, пекутъ и употребляютъ за хлѣбъ; оно довольно вкусно и питательно. Всѣ произведенія, по дивному климату и плодородной землѣ, разводятся въ изобилии; природа не заставляетъ сандвичанина за собой ухаживать и много трудиться, — сама объ немъ болѣе заботится, сама, безъ всякихъ насилій и слаброванія, его продовольствуетъ; дай ей единицу и сторицею возвратится! Кромѣ тары: картофель, капуста, огурцы, чеснокъ, горчица, тыква, арбузы, дыни, лимоны, апельсины, ананасы, фиги, крупный виноградъ, бананы, кокосы, сахарный тростникъ и многое другое такъ изобильно, такъ избыточно, что островитяне всѣмъ этимъ торгуютъ и сбываютъ на иные острова и въ другія мѣста. Домашняя посуда у однихъ только старшинъ — европейская; тутъ есть: чайники, стаканы

рюмки, графины, тарелки и прочіе приборы; за тѣмъ у простыхъ сандвичанъ посуда изъ тыквъ и кокосовыхъ орѣховъ; въ этихъ чашкахъ они растворяютъ тару водою и ѣдятъ не ложками, а двумя пальцами, которые обмакнувъ, слизываютъ жидкость. Заглядывалъ я къ городскимъ жителямъ, нерѣдко бывалъ и за чертою города, въ городѣ—дурно, а за городомъ того хуже; тутъ живетъ въ юртахъ и шалашахъ классъ бѣднѣйшихъ и совершенно нагихъ конаковъ; столовъ и стульевъ, или по крайней мѣрѣ скамѣекъ, у нихъ вовсе нѣтъ, а разостланы на полу соломенные плетѣнки, но плетѣнки эти выработаны изящно, солома разноцвѣтная; въ юртѣ, или шалашѣ, все достояніе заключается въ козаникѣ, повѣшенномъ на треножникѣ, да по стѣнамъ развѣшены коралловыя необдѣланныя ожерелья; вообще о жителяхъ и образѣ ихъ домашняго быта заключаю тѣмъ, что бѣдность, неопрятность, нечистота, безкусіе, безпорядочность и прочее, и прочее, составляютъ отличительное доморощенное свойство лѣнливыхъ сандвичанъ. Дѣло иное хотя и прибылые, но уже осѣдлые жители: французы, англичане, американцы; характеръ ихъ жизни извѣстенъ у насъ въ Россіи, таковъ онъ и здѣсь; правда, берутъ за все дорого, но за то и мило!... Гостинницы, ими же на манеръ европейской устроенныя, чисты—роскошны; кушанье изящное. Худо было въ одной гостинницѣ только то, что заказанный на жареное блюдо бараничкѣ, оказался, по признанію самого буфетчика, щеночкомъ, который тотчасъ былъ узнанъ и возвращенъ, безъ нерушимаго употребленія, со стола. Такое угощеніе куда какъ не добросовѣстно! Комнаты нумерныя,—весьма покойны; при одномъ изъ водопадовъ устроена купальня отличная, красиво перекинутые надъ ручьями переходные мостики, наложенная въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мостовая, чистенкіе тротуары, возводимая время отъ времени лучшая постройка, свидѣтельствуютъ, что переселенцы — иностранцы, преобразуютъ острова Овайгискіе на европейскій ладъ. Климатъ жаркій и весьма здоровый; небо, постоянно ясное, воздухъ легкій, вечерняя пора есть самое лучшее время для прогулокъ; въ эту пору можно видѣть и европейцевъ различныхъ націй, гуляющихъ въ разнохарактерныхъ блестящихъ

одеждахъ и смуглыхъ конаковъ въ мѣстномъ платьи съ вѣнками на головахъ изъ прекрасныхъ живыхъ цвѣтовъ. 5-го мая гг. офицеры и я при нихъ, представлялись овайгискому королю. Церемонія началась съ шествія по длинной перспективѣ, ведущей ко дворцу его величества; разставленное по сторонамъ войско отдавало честь, по мѣстнымъ обычаямъ, поклонами и кувырканьемъ; музыканты довольно непріятно для слуха играли что-то уши раздирающее... Мы взошли на крыльцо при встрѣчѣ старшинъ — овайгискихъ, далѣе въ пріемную, довольно большую палату; король, окруженный своими сановниками, привсталъ съ своего троннаго мѣста и на поклоны наши, отвѣчалъ поклономъ; росту онъ средняго, лѣтъ довольно пожилыхъ, взоръ привѣтливый; на немъ былъ казакинъ, оплечье котораго убрано кистями и шнурами; въ рукахъ держалъ жезлъ; мы одинъ за другимъ съ поклонами представлялись его величеству по очередно; переводчикъ, должность котораго исполняетъ офиціантъ его величества, принявъ свѣдѣніе отъ нашего командира о званіи представляющагося, докладывалъ своему королю; въ концѣ всѣхъ подошелъ и я, — званіе мое и костюмъ мой болѣе всего заинтересовали короля въ вопросахъ обо мнѣ; далѣе не знаю о чемъ была рѣчь короля съ нашимъ капитаномъ и представленіе наше окончилось за тѣмъ весьма благосклонно со стороны повелителя Сандвичевыхъ острововъ. На третій день послѣ сего, король, королева, принцесса и наследникъ его величества прибыли торжественно на нашъ фрегатъ. Они прибыли на нѣсколькихъ лодкахъ, изукрашенныхъ цвѣтами и убранныхъ разными покрывами; наверху королевской лодки былъ жезлъ и корона, сопровождавшіе эту процессію сотни конаковъ восторженно кричали свое привѣтствіе. Ихъ величества съ большимъ любопытствомъ и особенною ласковію осматривали весь фрегатъ, ходили по каютамъ, угощались приготовленнымъ для нихъ завтракомъ, пили шампанское за здоровье нашего Императора, всего Царствующаго Дома, русскаго флота и въ частности за здоровье всѣхъ насъ — путешественниковъ; а когда командиръ фрегата провозгласилъ здоровье

его величества, короля овайгискаго и вслѣдъ за симъ раздалось привѣтное наше русское « ура! », то его величество въ особенности выказалъ свою ласку въ поклонахъ и благорасположеніи; далѣе возглашены были тосты: за здоровье королевы, прицессы, наслѣдника и всѣхъ жителей — Сандвичевыхъ острововъ. Пробыли они на фрегатѣ около четырехъ часовъ и оставили насъ въ весьма благосклонномъ вниманіи. Королева, принцесса и наслѣдникъ — лицомъ смуглы и довольно некрасивы, въ особенности первая; замѣчательна преимущественно простота ихъ въ обхожденіи не только съ нами, но и съ подчиненными своими; вѣжливость, а болѣе того подчиненность, какъ видится, далеко еще не вѣдомы островитянамъ. 8-го мая сошлись мы всѣ, по обыкновенію, въ гостинницу; въ ней былъ и король, одѣтый по европейски, — онъ игралъ на билиардѣ съ какимъ-то иностранцемъ; окончивъ игру, началъ угощать насъ шампанскимъ, подавая бокалы изъ собственныхъ рукъ; когда я принялъ отъ него бокалъ и пилъ за его здоровье, то онъ внимательно осматривалъ мою рясу и высказалъ свое особенное удивленіе на широкіе рукава; въ это время всѣ повеселились за-просто — безъ церемоніи... Король и королева какъ-то узнали, что у одного изъ нашихъ офицеровъ есть фотографическій аппаратъ и пожелали чтобы съ нихъ сняли портреты; для этого они, принцесса и наслѣдникъ прибыли на весьма занимательной колесницѣ, которую везли островитяне полунагіе, въ гостинницу, гдѣ и было выполнено ихъ желаніе. Я на сей разъ удостоился особенной чести тѣмъ, что его величество довольно ласково обращался ко мнѣ съ вопросами чрезъ переводчика: « имѣю ли я жену, дѣтей, гдѣ они, пишу ли къ нимъ письма, не скорблю ли о томъ, что ихъ оставилъ на долгое время, въ чемъ состоитъ моя служебная обязанность »; въ продолженіи этого разговора, его величество былъ со мною рука въ руку. Между тѣмъ, по распоряженію командира нашего, приготовлена была жонка изъ рому, которою угощались ихъ величества; они остались весьма довольны и отбивая изъ гостинницы, каждому изъ насъ дали на память о себѣ собственныя рукописи (прилагается видъ этой

рукописи). По заготовленіи провизіи и наливкѣ водою, фрегатъ нашъ отплылъ изъ Гонолулу 15-го мая. Послѣ двухнедѣльнаго плаванія по Тихому океану, мы снова 29-го числа прибыли въ Гонолулу, надѣясь найти здѣсь русскій фрегатъ «Аврору», но фрегата этого въ приходѣ сюда неказалось; между тѣмъ узнали изъ газетъ, что Франція и Англія объявили войну Россіи и что англичане послали уже въ Тихій океанъ свои военныя силы догнать и взять съ боя фрегатъ нашъ, «Діану». Вѣсть эта не перепугала насъ нисколько, напротивъ — офицеры и матросы съ самодовольствіемъ потирали руки, съ видимымъ желаніемъ — потѣшиться съ врагомъ на-пропалую! Того жъ числа фрегатъ нашъ, приготовленный однакожъ къ встрѣчѣ съ непріателемъ, быть можетъ сильнѣйшимъ, оставилъ окончательно Гонолулу и направилъ свое плаваніе къ восточнымъ берегамъ Сибири. На пути этомъ, особеннаго замѣчательнаго, кромѣ каждадневной и ежеминутной боевой готовности — встрѣтиться съ непріателемъ лицомъ къ лицу, ничего не было; правда, сами мы не воевали, а видѣли войну ужаснѣйшую, войну кровопролитную, только не челоуѣка съ челоуѣкомъ, а китолововъ съ китами..... Думалось, — одинъ ли челоуѣкъ хитритъ противъ подобнаго себѣ въ военномъ искусствѣ? — нѣтъ, и рыба старается обмануть китолова своими увертками; одинъ ли челоуѣкъ при усиленныхъ трудахъ, глубокомысленномъ вниманіи, изобрѣтаетъ средства побѣдить противника, не оставаясь самъ побѣжденнымъ? и рыба — китъ бойко отстаиваетъ себя отъ натиска челоуѣка, средствами и орудіемъ, самую природою ей данными; отстаиваетъ себя и нерѣдко побѣждаетъ! Изъ чего хлопочетъ челоуѣкъ, воюющій противъ себѣ подобнаго, — мечь и ненависть, кажется, первое и главное начало этой войны. Не тоже ли самое и въ борьбѣ неразумной твари съ существомъ разумнымъ! Окончаніе войны — польза побѣдителя!!!

ГЛАВА VI.

Прибытіе фрегата „Діана“ на восточные берега Сибири. Заливъ Де-Кастри. Дѣло моего служенія. Приведеніе гиляковъ - не христіанъ въ православную вѣру. Жизнь ихъ. Генераль-адъютантъ Путятинъ. Плаваніе фрегата „Діана“ къ инымъ берегамъ Сибири и въ Японію.

11-го іюля прибывъ благополучно къ восточнымъ берегамъ Сибири, вошли мы въ заливъ Де-Кастри. Здравствуй матушка-Русская земля! Двѣсти восемьдесятъ дней не видали мы тебя, родимая; около году не слыхали вѣстей про нашихъ родичей, про своихъ друзей и пріятелей. Благодареніе Богу! Проплыли 35 т. верст въ шесть съ небольшимъ мѣсяцевъ, здраво и благополучно; понасмотрѣлись разныхъ дивъ и диковинокъ, насладились благораствореннымъ воздухомъ, напитались изобиліемъ плодовъ заморскихъ и опять въ странѣ родной, на Землѣ Русской—православной, встрѣтились съ глазу на глазъ съ своими земляками, получили болѣе или менѣе отрадныхъ вѣсти о родныхъ и близкихъ, прочитали письма не разъ и не два, подѣлились новостями или слухами про между собою и, каждый за свое дѣло! Жителей въ Де-Кастри очень немного, нѣсколько русскихъ казаковъ, два семейства тунгусовъ, гилякъ и приказчикъ американской компаніи. Въ день нашего прибытія всѣ они, видя въ первый разъ прибывшаго сюда православнаго священника и будучи сами православнаго исповѣданія, обратились ко мнѣ съ просьбою совершить водосвятіе, освятить ихъ домики и такъ какъ лѣтъ шесть они не исповѣдывались и св. Таинъ, не сообщались, предоставивъ имъ возможность исполнить этотъ христіанскій долгъ. На другой же день я, съѣхавъ на берегъ, началъ совершать служеніе: отправилъ молебное пѣніе съ водоосвященіемъ, окропилъ имѣющіяся на берегу строенія и потомъ пять дней правилъ вечерню, утреню и часы, а на шестой, по учиненіи исповѣди, въ церкви на фрегатѣ имѣющейся, литургію, за которою и приобщилъ всѣхъ ихъ св. Таинъ. Между тѣмъ одинъ изъ тунгусовъ—православной вѣры, объявилъ мнѣ, что въ недалекомъ разстояніи кочуютъ

въ лѣсахъ гиляки—идолопоклонники, всего семнадцать человѣтъ, которые возъмѣли желаніе принять православную вѣру. Удосто- вѣрясь объ этомъ чрезъ переводчика тунгуса, я чрезъ посредство ея преподать имъ кое-что изъ Закона Божія и видя за симъ со- вѣршенную расположенность присоединиться къ нашей право- славной вѣрѣ, нѣсколько дней приготовлялъ ихъ къ принятію крещенія. Предшествующія сему обстоятельства были и тѣ, что они добровольно, лично сами истребили на огнѣ своихъ деревян- ныхъ и весьма безобразныхъ кумировъ; одна же изъ гилячекъ, мужъ которой былъ въ дальнемъ на это время отсутствіи, оста- лась не переведенною въ православную вѣру послѣдующему слу- чаю: она готовилась также принять крещеніе, но когда истре- блялись кумиры и я, войдя съ переводчикомъ тунгусомъ и други- ми гиляками въ ея юрту, гдѣ замѣтивъ на стѣнѣ висящій кумиръ хотѣлъ снять оный для истребленія, то она, схвативъ со стола ножъ большой, въ сильномъ азартѣ бросилась ко мнѣ; прочіе же гиляки удержали ее ярость и спасли меня отъ предстоявшей смерти. 22-го іюля совершено крещеніе надъ гиляками въ та- комъ порядкѣ: утромъ прибыли съ фрегата на берегъ гг. офице- ры въ качествѣ воспріемныхъ отцовъ и дагѣ началось по обря- ду самое крещеніе девяти мужскаго и осьми женскаго пола душъ,— кои наречены во св. Крещеніи слѣдующими именами:

воспринимали :

	отъ роду:	
Илья Григорьевъ	45 лѣтъ.	Мичм. Григор. Заградскій.
Николай Александровъ	40 »	Лейтен. А. Мусинъ-Пушкинъ
Констант. Александровъ	40 »	Лейтен. Алекс. Можайскій.
Дмитрій Дмитріевъ	30 »	Прапорщ. Дмитр. Кузнецовъ.
Гавріилъ Петровъ	27 »	} Подпоруч. Петръ Елкинъ.
Петръ Петровъ	25 »	
Георгій Григорьевъ	20 »	Прапорщ. Григор. Семеновъ.
Александръ Александровъ	5 »	Лейтен. Александр. Можайскій.
Василій Дмитріевъ	2 »	Прапорщ. Дмитр. Кузнецовъ.
Просковья Иванова	80 »	Тунгусъ Иванъ Надѣинъ.

	отъ роду.		
Екатерина Владимірова	70 лѣтъ.	Гердемар. Морск. Кад. Корпу-	са Владиміръ Козинъ.
Анна	} Давыдова	30	» } Мичм. Давыдъ Ивановъ.
Александра		30	
Марія	} Апполоновы	30	» } Гардемар. Морск. Кад. Корп.
Агафія		2	
Ольга Георгіева.		27	» Гардемар. Морск. Кад. Корп. Георгій Свиньинъ.
Екатерина Васильева		22	» священ. Василій Маховъ.

Нужно было видѣть: съ какимъ удовольствіемъ и душевнымъ благорасположеніемъ принимали св. Крещеніе эти гиляки и гилячки; съ какою радостію возлагали на шею крестъ Господень, исполняли поспѣшно погруженіе въ воду и всѣ прочія обязанности, къ таинству сему относящіяся..... въ глазахъ ихъ была видна вѣра, а въ дѣйствіяхъ — желаніе быть въ христіанствѣ!!! По совершенномъ окончаніи таинства, отправлено было благодарственное молебное пѣніе съ колѣнопреклоненіемъ; далѣе порокрещенные были исповѣданы *) и сообщены св. Таинъ, въ чемъ дано имъ отъ меня свидѣтельство; надѣлены иконами, свѣчами и ладаномъ и все это они принимали съ величайшимъ благоговѣніемъ. Въ признательность, какъ видѣлось и въ ознаменованіе столь торжественнаго для нихъ событія, они попросили всѣхъ насъ на угощеніе, которое состояло: одно кушанье изъ вяленой несоленой рыбы, заготовляемой ими въ лѣтнюю пору въ зимѣ, а другое, тоже изъ рыбы, но совершенно сырой, неочищенной и животрепещущей, которую сами гиляки употребляютъ съ величайшимъ аппетитомъ; такое кушанье, конечно, было не по нашему вкусу; въ свою очередь и мы угощали ихъ своимъ хлѣбомъ-солью. Гиляки — роста небольшого, лицомъ довольно некрасивы, пухлы; одѣяніе ихъ — собольи и другихъ звѣрей кожи, волосомъ наружу, на головѣ и по верхъ платья носятъ разныя побрякушки и бляхи;

*) Вопросы для исповѣди и понятіе объ отвѣтахъ сообщены были мнѣ на тунгусскомъ нарѣчій переводчикомъ предварительно.

занятіе ихъ — охота на соболей, которыхъ бьютъ не изъ ружей, а стрѣлою изъ лука; соболиная шкурка у нихъ дешева: намъ доставалось пару-двѣ соболей пріобрѣтать или за мѣдную пуговицу, или иголку, и тому подобную ничтожность. Воздухъ въ юртахъ гиляковъ нестерпимо-тяжелъ, зловоніе отъ рыбаго жира — производитъ круженіе головы и даже рвоту; домоводство состоитъ все изъ собакъ, которыхъ имѣютъ въ большомъ количествѣ для перевозки походныхъ своихъ юртъ; другаго скота и имущества нѣтъ. Особенный и отличительный обычай гиляковъ, — состоитъ въ слѣдующемъ: подмѣтивъ медвѣдицу, только что оценившуюся, уносятъ маленькаго медвѣженка, откармливаютъ его рыбою и по извѣстномъ времени закалываютъ; сзываютъ родныхъ сосѣдей, ѣдятъ и празднуютъ, нѣсколько дней. Тѣла умершихъ своихъ родныхъ опускаютъ не въ землю, а полагаютъ въ лѣсу; въ особо сдѣланныхъ ящикахъ; въ одной сторонѣ такого ящика дѣлается небольшое отверстіе, или окошечко, въ которое они вставляютъ пищу для покойника. 23-го іюля фрегатъ «Діана» оставилъ Де-Кастри и 26-го прибылъ на мысъ Лазаревъ. Здѣсь имѣлъ уже пребываніе вице-адмиралъ, генераль-адъютантъ Его Величества Путятинъ, который перейдя въ то же время на фрегатъ «Діана», принялъ его въ свое распоряженіе. Радостна была встрѣча наша съ земляками, отрадно слышалось привѣтное «здравствуй», искренно было пожатіе рукъ и послѣдовательный за тѣмъ поцѣлуй.... Всѣ мы были свои и свои въ сторонѣ далекой..... Долго шли взаимные рассказы о прошедшемъ, дружно составлялись предположенія на будущее и фрегатъ «Діана», вновь скомплектованный, переходилъ, подъ командою генераль-адъютанта Путятина отъ Лазарева мыса къ посту Александровскому и Николаевскому; наконецъ — 3 октября, несмотря на то, что въ Охотское море нагрянула уже сильная эскадра непріятели, направилъ быстрое плаваніе къ берегамъ Японіи. Мѣстность, какъ Лазарева мыса, такъ въ особенности Николаевского поста чрезвычайно-красива, но воздухъ очень тяжелъ и произрастеній, кромѣ рябины и брусники, нѣтъ; находящіеся на мысѣ орлы замѣчательны по своей величинѣ и многочисленности. Жителей, постоянно имѣющихъ

пробываніе—нѣтъ; наряжаемыя отъ начальствѣ войскаго команды содержатъ караульные посты; зданія небольшія — принадлежатъ собственно казнѣ. Въ недалекомъ разстояніи кочуютъ гилаки, которые снабжали насъ рыбою; денегъ не брали, а за весьма ничтожную какую либо вещьцу, напримѣръ: мѣдное колечко, иглочку, пуговку, особенно за листъ табачный или сигарку, охотно давали прекрасную дичь и цѣлую рыбу.

ГЛАВА VII.

Японія. Переходъ фрегата изъ порта въ портъ. Городъ Симода 11 декабря 1854 года. Страшное землетресеніе.

9-го октября прибыли мы къ берегамъ Японіи. Остановливаясь разновременно въ портахъ: Хакодатѣ, Оосака и Кадо, 22-го ноября вошли въ открытый для нѣкоторыхъ націй портъ при городѣ Симода. Въ портѣ Хакодатѣ пробыли восемь дней и съ дозволенія японскаго правительства съѣзжали на берегъ, были въ самомъ городѣ; во время прогулокъ по городу, слѣдомъ за нами ходили мѣстные досмотрщики, съ саблями и кинжалами, строго наблюдали именно за тѣмъ, чтобы кто изъ японцевъ не продалъ намъ какой вещи. Такіе проходы досмотрщика начинались съ выхода нашего на берегъ и оканчивались по отбытіи съ берега на фрегатъ. О постройкѣ домовъ японскихъ и личности самихъ японцевъ будетъ сказано мною далѣе. Съѣзжать при городахъ Оосака и Кадо дозволенія дано не было и на берега свои японцы насъ совершенно не пустили. По прибытіи же въ портъ при городѣ Симода, послѣдовало продолженіе прежде начатыхъ переговоровъ между генераль-адъютантомъ Путятинымъ и японскими сановниками о трактатѣ, относительно границъ и взаимной торговли Россіи и Японіи. Между тѣмъ ввключилось слѣдующее обстоятельство: когда мы были еще у города Кадо, то японцы сообщили нашему командиру довольно неприятную вѣсть, что состоящій изъ четы-

рехъ военныхъ судовъ англійскій отрядъ, преслѣдуя фрегатъ нашъ, имѣеть положительное намѣреніе—разбить оный или забрать его и весь экипажъ въ плѣнъ. Сколько ни тревожна была для насъ такая вѣсть, сколько ни падала на душу скорбь, но отвѣтъ моряковъ, на воодушевленіе генераль-адъютантомъ Путятинымъ, «драться до послѣдней капли крови» и «живьемъ въ руки не даваться», требовалъ и предохраненія и особенной бдительности. Фрегатъ подвели къ городскому берегу, а въ отдаленности при морѣ устроенъ былъ на взгорьи постъ—наблюдать за приближеніемъ непріятеля. Правительство японское, считая постановку военного русскаго поста на землѣ ихъ, за самовольство, сильно возроптало; уполномоченные прекратили личное свое соотношеніе и намъ воспрещено было стѣзжать на берегъ. Фрегатъ оттянулся вдаль отъ береговъ, въ глубь бухты и сталъ вблизи одной высокой отдѣльной скалы. Такимъ образомъ стали мы чисто среди двухъ огней: съ моря—сильнѣйшій непріятель, а на сушѣ непріязнь японцевъ!.... но «ни кто какъ Богъ» — говорятъ на матушкѣ-Руси! Постѣ убѣжденій генераль-адъютантомъ Путятинымъ о необходимости имѣть въ нашемъ положеніи сторожевой постъ, начальство японское согласилось на это и переговоры о трактатѣ пошли 8-го декабря своимъ порядкомъ; намъ всѣмъ дозволено было стѣзжать на берегъ и бывать въ Симодѣ. Кратковременныя прогулки наши хотя и здѣсь слѣдились досмотрщиками, но гораздо снисходительнѣе и благосклоннѣе, именно: можно было остановиться у торговой лавки, посмотреть какую либо вещь, но отнюдь не приобрѣсть ее; полюбоваться японцемъ, размѣнятьсь поклонами, посмѣяться (разговоровъ въ частности имѣть не могли, не зная японскаго нарѣчія), заглянуть во дворъ, взойти въ кумирню, словомъ: посмотры наши и города, и жителей, дѣлались свободнѣе, а соотношенія добросердечнѣе. 9-го декабря японскіе полномочные были приняты у насъ на фрегатѣ съ особенными почестями: они привезли съ собою разные дорогіе подарки для нашего Императора и, погостивъ не много времени, церемониально отправились обратно. 11-го числа декабря, въ субботу, началось утромъ отлично-хорошимъ: солнце горѣло лучезарнымъ

свѣтомъ, легкій прохладный вѣтерокъ разносилъ повсюду благоуханіе, птички сладковучно щебетали свое пѣніе и день этотъ прекрасный въ натурѣ, великъ былъ для насъ собственно потому, что въ слѣдствіе поконченныхъ соглашеній о трактатѣ, дѣлалось приготовленіе церемоніально отправить въ одиннадцать часовъ японскимъ уполномоченнымъ сановникамъ наши лучшіе русскіе подарки для ихъ повелителей. Въ девять часовъ утра, когда начали пить чай, вдругъ данный толчокъ, сильно потрясъ и поколебалъ весь фрегатъ. Я въ это время былъ въ каютѣ вице-адмирала. Ложки въ стаканахъ задребезжали, столы закачались, скамьи и стулья быстро клонились то на одну, то на другую сторону, сами мы, смутясь духомъ, не могли сидѣть покойно: все тряслось, все колебалось..... Вице-адмиралъ послѣшно вышелъ изъ своей каюты на верхнюю палубу, видимаго же грознаго дѣйствія на поверхности моря и суши совершенно замѣтно не было. Колебаніе было минуто, или двѣ, и потомъ мало по малу фрегатъ успокоился. Вице-адмиралъ сойдя въ каютъ-компанію, объявилъ, что случай этотъ относится къ землетрясенію, которое не рѣдко бываетъ въ Японіи съ бѣльшими или меньшими послѣдствіями. Далѣе, обыкновенныя занятія моряковъ, прерванныя въ моментъ землетрясенія, пошли своимъ чередомъ, но въ скоромъ однакожъ времени дано знать съ верхней палубы, что вода необыкновенно и быстро покрываетъ всѣ берега. Мы всѣ взошли на верхнюю палубу фрегата, снова пришедшаго въ колебаніе и..... вотъ истинная для васъ, мой добрый читатель, картина, а для насъ бывшая страдательная дѣйствительность и ужасная очевидность грознаго явленія природы и той страшной кары небесной, которая ниспослана была Богомъ въ 11-е число декабря 1854 года и на насъ, и въ особенности на жителей японіи! Вода со дна моря буравила и словно въ котлѣ кипѣла, волны ея клубились и, вздымаясь, разсыпались брызгами; валы съ моря одинъ за другимъ— больше, одинъ другаго сильнѣе съ необыкновеннымъ шумомъ и яростнымъ грохотомъ напирали воду, захватывали берега, мгновенно заливали мѣстность все далѣе— все болѣе..... бывшіе у береговъ японскія лодки коверкало и стремительно разбрасы-

вало въ разныя стороны; натискъ воды, быстро распространяясь, добрался скоро до самаго города, залилъ улицы и возвышался болѣе и болѣе (до трехъ сажени высоты) затоплялъ, покрывалъ, размывалъ строенія; далѣе, какъ бы довольствуясь своею прибылью, быстро, игриво уносилъ съ собою обратно въ морскую пучину и разломанное строеніе, и самыхъ людей! Скоро весь заливъ наполнился сплошною массою бревенъ, днонокъ, соломы, платья, труповъ человѣческихъ и людей еще живыхъ, сохраняющихъ пока жизнь свою на какой либо доскѣ, или кускѣ дерева. Стоишь, крики, вопль гибнущихъ японцевъ, шумъ воды, ревъ валовъ, завывающіе всплески—это былъ такой хаосъ, приблизительно которому видимъ картины, съ величайшимъ ужасомъ и содроганіемъ читаемъ описанія или вавилонскаго столпотворенія, или послѣдняго дня Помпей!.... Тамъ дѣйствовала стихія воздушная, здѣсь страшно губила и немилосердо истребляла все—стихія воды! А что, между тѣмъ, дѣлалось съ нашимъ фрегатомъ, въ какомъ состояніи мы сами находились? Тяжело вспомнить объ этомъ; не легко памяти передать на бумагѣ все видѣнное, пережитое!.... Сознаюсь, что и десятой доли не скажу того, о чемъ бы сказать слѣдовало много и много!....

ГЛАВА VIII.

Фрегатъ «Діана». Молебствіе на фрегатѣ.

Въ моментъ начавшагося волненія (въ 5 мин. 11-го часа) фрегатъ, по мѣрѣ убыли и мгновенной прибыли воды, то опускался, то возвышался; его, какъ мелкую щепку, брошенную въ пучину, начало вертѣть, трепать, бить, колотить, снасти трещали, бока лопались, борты наклонялись стремительно то въ одну, то другую сторону. Страшное отцѣпенѣніе овладѣло нами! Первымъ дѣйствіемъ моряковъ было—закрѣпить пушки, закрыть наглухо всѣ полуборты и люки, призвать къ фрегату баркасъ съ

нашими же матросами, которые всё успѣли перескочить на фрегатъ, и бросить (въ $\frac{1}{4}$ 11-го часа) второй якорь. Мы задержались. Но вслѣдъ за симъ вода съ моря сильно нахлынула, схватила водоворотомъ катера наши и съ дикимъ ревомъ унеслась къ городу. Не прошло десяти минутъ, какъ унесшійся къ городу одинъ — другой потокъ воды, несся уже обратно къ морю съ величайшею поживою. Бывшій на глазахъ нашихъ городъ — Симода — исчезъ! Надъ мѣстомъ, гдѣ онъ былъ, показался густой туманъ и въ воздухѣ разлился сильнѣйшій сѣрный запахъ. Заливъ покрылся обломками строенія городского, масса на поверхности такъ была сплошна, что можно было бы ходить по водѣ,..... обломки плавающіе вертѣло, коверкало, мѣшало съ иломъ и несло далѣе — въ море. Фрегатъ силою водоворотовъ, подняло съ якорей; начало носить съ одной стороны берега къ другой и сперва медленно, а потомъ скорѣе и скорѣе вертѣть и кружить наподобіе мельничнаго жернова; въ полчаса околесило его на одномъ и томъ же мѣстѣ болѣе сорока разъ. Мы почувствовали сильную головную боль и многіе, обезсилѣвъ, падали съ ногъ долой. Къ исходу 11 часа нанеслись къ фрегату японскія джонки и надѣлали много вреда; онѣ то прибывались, то отбывались стуча и колотя въ бока нашего судна; бывшихъ на нихъ японцевъ мы звали къ себѣ, бросали для спасенія веревки; но или неловкость ихъ, или самоупрямство были собственною гибелью, одна разбивъ себѣ корму о фрегатъ, схвачена была, наконецъ, водоворотомъ и въ глазахъ нашихъ пошла ко дну, а другая унесена перемѣною теченія воды. Таковая же участь постигла и другихъ многихъ японцевъ, удалось только намъ спасти старуху — японку, которую на обломкѣ дерева поднесло къ самому борту фрегата, да еще двухъ — японцевъ — съ маленькой джонки. Далѣе, фрегатъ сильнымъ круженіемъ понесло быстро къ каменистой скалѣ, еще моментъ..... и фрегатъ разбился бы въ дребезги; но въ самомъ недалъномъ разстояніи отъ скалы онъ остановился, постоялъ, покружился и мгновенно двинулся въ противоположную сторону. Здѣсь, въ надеждѣ устоять, при-смирить хоть сколько нибудь его, бросили третій якорь и.....

о ужас! о страшная и грозная для насъ минута! вода схлынула и фрегатъ съ трескомъ и скрипомъ повалился на лѣвый бокъ.— Представьте, сердобольный читатель, каково было наше положеніе?? мы схватились за правый бортъ и повисли надъ бездною; «Господи, спаси насъ!» «Да будетъ воля Твоя!» были послѣднею молитвою каждаго, при сей видимой и неизбѣжной смерти одна пушка, внутри фрегата, сорвавшись съ правой стороны борта и катясь на лѣвую, на повалъ задавила матроса Соболева, матросу Викторову оторвала ногу, а еще тремъ дала сильные ушибы. Этимъ только горемъ мы и поплатились на сей разъ. Минуть около десяти пролежалъ фрегатъ нашъ на боку, какъ бы отдыхая отъ предшествовавшей усталости, для насъ это время тянулось годами цѣлой жизни. . . . потомъ вода опять прибыла, фрегатъ, выправляясь по немного, сталъ въ прямое, какъ должно быть, положеніе и вслѣдъ за тѣмъ, вертясь и кружась, унесся на средину бухты. Меня собственно, позвали съ верху внизъ для исповѣди и приобщенія св. Таинъ больныхъ, ушибенныхъ пушкою; едва я успѣлъ исполнить свой долгъ, какъ раздался по свистку вызовъ: «всѣхъ наверхъ!» Поспѣшно вскочивъ на палубу, я увидѣлъ, что фрегатъ опять склоняется на бокъ. Всѣ перепугались. . . . суетились, скорбѣли, молились и прощались другъ съ другомъ; иные раздѣвшись до нага, готовились вплавъ спасаться. Благословивъ команду, благословивъ дѣтей своихъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ исповѣдалъ я Богу прегрѣшенія, въ страхъ и при общемъ смятеніи раздѣлся по примѣру другихъ и готовился, въ случаѣ потопленія фрегата, также вплавъ искать собственнаго спасенія. . . . Господь помиловалъ насъ отъ предшествоващаго пагубнаго положенія! Фрегатъ дѣйствительно наклонило, но гораздо меньше какъ въ первый разъ, подало назадъ, а потомъ стрѣлою двинуло къ берегу. Во мгновеніе ока, мы перелетѣли отъ одного берега къ другому, какъ бы по воздуху; ни въ то время, ни послѣ осталось неразгаданнымъ, какъ этотъ быстро-мгновенный перелетъ и отъ чего могъ случиться! . . . Оказались щели, вода сильно врывалась въ нижнія части фрегата, ее выкачивали люди смѣна за смѣною. Съ 12-ти часовъ губитель-

ное дѣйствіе, казалось, начало стихать, водовороты убавлялись, прибывъ и убывъ воды дѣлались посредственнѣе; до половины перваго часа бока фрегата обставляли упорными стрѣлами, работа эта шла съ величайшимъ трудомъ для команды и особеннымъ самоотверженіемъ генераль-адъютанта Путятина. Всѣ крайне выбились изъ силъ, всѣ страшно изнемогли..... Съ половины перваго еще возобновилось прежнее грозное дѣйствіе воды: фрегатъ сорвало, закружило и носило разными направленіями по бухтѣ, три раза сворачивало на бокъ, но гораздо слабѣе и развѣ въ разу менѣе. Эта вторичная попытка тянулась около часа, наконецъ съ двухъ часовъ натискъ воды съ моря сталъ уменьшаться, водовороты слабѣли, круговращеніе прекращалось, все приходило въ болѣе спокойное положеніе и въ три часа все стихло! Фрегатъ остановился на значительной глубинѣ залива среди обломковъ зданій японскихъ, лодокъ разбитыхъ, труповъ-утопленниковъ, илу и разнаго другаго мусора, нанесеннаго съ мѣстности городской и поднятаго со дна моря! Въ 4½ часа собрались мы въ храмъ свой на совершеніе благодарственнаго молебнаго пѣнія къ Господу, избавившему насъ отъ величайшихъ бѣдъ и потопленія. Мы молились въ непрощедшемъ еще страхѣ, со страхомъ и трепетомъ; сердцемъ сокрушеннымъ благодарили Спасителя-Бога, даровавшаго намъ спасеніе и животъ жизни; мы воспѣвали Его благодать, защитившую насъ отъ конечнаго злаго обстоянія, мы славословили милосердіе неизрѣченное, отъ бѣдъ насъ свободившее; мы величали благоутробіе Спаса, наказавшаго насъ, но смерти не предавшаго; колѣнопреклоненно, со слезами и усердіемъ молились съ благодареніемъ и прошеніемъ, да спасый люди Своя, — благословить достояніе во вѣки..... Нужно было видѣть въ этотъ часъ семью нашу скорбную, чтобы истинно убѣдиться въ изреченіи: «Кто на-морѣ небываль, тотъ до-сыта Богу не малывался».

ГЛАВА IX.

Обзоръ фрегата. Мѣстность города Симода. Японцы-горюны. Нохороны матроса Соболева. Русскій священникъ и японское духовенство. Работы на фрегатѣ. Выходъ изъ Симодской бухты. Двѣ пословицы.

Послѣ молебствія начали осматривать фрегатъ; бѣдный!..... оказался въ крайне-гибельномъ положеніи: руль оторванъ съ петлями, обшивныя доски во многихъ мѣстахъ содраны, чрезъ пробоины вода стремится сильно и наполняетъ нижнія части судна, въ каютахъ все разбросано, перебито, переломано, порядка—какъ ни въ чемъ не бывало! 12-го декабря съѣхали мы на берегъ и обозрѣвали мѣсто, гдѣ былъ городъ Симода. Мало сказать, что мѣсто это сдѣлалось мѣстомъ разоренія или разрушенія; послѣ бурь и пожара остается хоть что либо; тутъ послѣ наводненія и такого потошленія, представлялась одна долина, измытая и забросанная по мѣстамъ грудю морскихъ каменьевъ. Множество японскихъ джонокъ и разбитыхъ и уцѣлѣвшихъ раскидано въ величайшемъ безпорядкѣ (въ томъ числѣ отысканы наши: катеръ, шестивесельная лодка и другія къ фрегату принадлежности); труны утопленниковъ представляли картину страшнаго безобразія: тамъ японецъ, обхвативъ дерево, заостенѣлъ при немъ; въ иномъ мѣстѣ японка-мать, притиснутая камнемъ, замерла съ дѣтищемъ своимъ; кто повисъ на деревѣ, другой торчитъ изъ-подъ ила и песку, нанесеннаго съ моря..... картина, говорю, страшная; зрѣлище—ужасное!! Городъ до землетрясенія видѣли мы обширнымъ, строенія были дивно-красивыя, а теперь кое-гдѣ по горамъ уцѣлѣло 15 или 20 зданій; болѣе тысячи домовъ—какъ не бывало! Жителей погубило тысячи двѣ или три; остальные, при началѣ землетрясенія, бѣжали на горы и спаслись отъ гибельной участи. Осматривая запустѣлую мѣстность съ истиннымъ сожалѣніемъ, встрѣчали мы японцевъ, потерявшихъ здѣсь все свое достояніе! Удивительный народъ! вмѣсто горя—имъ смѣхъ; вмѣсто сожалѣнія—равнодушіе; вмѣстѣ скорби—веселый видъ; ходятъ по долиноу, посмѣиваются, да табачокъ, то и дѣло, покуриваютъ. «Бы-

лаго, дескать, горемъ не воротишь!» Они рассказывали, что въ день землетресенія въ окрестностяхъ Симоды исходилъ по возгорью огонь и бывшія на приморскомъ берегу селенія всѣ разрушило и смыло до основанія. 13-го числа были похороны задавленнаго пушкою—матроса Соболева. Съ одной стороны для исполненія нашего христіанскаго обряда; а съ другой, чтобы показать японцамъ, какъ въ Россіи предають землѣ тѣла умершихъ, погребеніе Соболева совершалось на отведенномъ японскимъ правительствомъ мѣстѣ, церемоніально. Съ берега гробъ несли матросы, впереди ихъ: генералъ-адъютантъ Путятинъ съ гг. офицерами; я въ іерейскомъ облаченіи и пѣвчіе; позади гроба — команда. Процессія такая и громогласное на пути пѣніе: «Святый Боже»..... собрало множество японцевъ, они падали ницъ и дивились на насъ; когда мы пришли къ могилѣ, то прибылъ сюда же старшій японскій бонза съ прочимъ духовенствомъ, во всемъ своемъ облаченіи и вызывался мнѣ отпѣть и похоронить тѣло Соболева по обряду японскому; въ просьбѣ этой ему было отказано. При отправленіи панихиды, духовенство японское стояло близъ насъ и когда запѣли: «вѣчная память»..... гробъ стали опускать въ могилу и засыпать землю: японцы съ особеннымъ любопытствомъ и удивленіемъ посматривали то на насъ, то на зарываемую могилу. Вслѣдъ за тѣмъ бонза, подойдя ко мнѣ, внимательно разсматривалъ бывшее въ моихъ рукахъ кадило и все на мнѣ облаченіе; а по разоблаченіи взявъ меня за руку, повелъ въ свою кумирню и здѣсь угощалъ чаемъ; самъ онъ и прочее духовенство такъ были ко мнѣ ласковы и добродушны, что послѣдующая за симъ обоюдная наша встрѣча была уже не посмотрикомъ одинъ другаго, а знакомствомъ близкимъ и весьма пріятнымъ. Бывая нерѣдко у горныхъ монаховъ, я приобрѣлъ, — хотя не совсемъ положительное, понятіе о вѣрѣ японской и свойственныхъ вѣрѣ этой обрядахъ. Въ слѣдующихъ главахъ обо всемъ этомъ будетъ сказано мною. — 14, 15 и 16-го числа свозили съ фрегата на берегъ пушки и другія принадлежности, далѣе устанавливали новый парусъ, придѣлывали руль и чинили гребныя суда. Посылаемые для отысканія безопасной гавани и возвратив-

шіеся 30 декабря наши офицеры рассказывали, что постройки по берегамъ моря видѣли они совершенно разрушенными, что городъ Оосака, подобно Симодѣ, смыло до основанія. 2-го января 1855 года поутру мы вышли изъ Симодской бухты, имѣя направленіе свое къ городу ~~Кедо~~. *Кеда* Добрые японцы оказали при семъ великое свое благодушіе: они дали намъ большую джонку, на случай спасенія нашего въ то время, если бы фрегатъ началъ гибнуть на предстоящемъ пути. Въ Симодѣ же осталось нѣсколько человекъ, изъ фрегатскаго экипажа. Версть тридцать проплыли мы кое-какъ; къ вечеру поднялся вѣтеръ бурливый, который что далѣе, то болѣе усиливался, разводилъ волненіе и способствовалъ къ течіи на фрегатъ; горе слѣдовало за горемъ: приправленную потесь повредило волною, фрегатъ часть отъ часу дѣлался неспособнымъ къ дальнѣйшему ходу. 3-го января волненіе приняло грозный видъ и мы остановились на трехъ якоряхъ недалеко отъ берега при селеніи Міасимо. Слыхалъ я отъ старыхъ моряковъ двѣ пословицы: «Видючи нѣпогодъ - не пошто въ морѣ». «Съ моря жди горя, а отъ воды бѣды!»

ГЛАВА X.

Опасное положеніе. Промыслъ Божій и услуга японцевъ. Переправа съ фрегата на берегъ. Гибель фрегата «Діана».

..... и правда; море причинило намъ большое горе, а вода въ конецъ одолѣла! 3-го и 4-го числа вѣтеръ не стихалъ, погода морская бушевала безъ-устали; воду не успѣвала команда откачивать день и ночь; фрегатъ опускался ниже и ниже; положеніе наше часть-отъ - часу дѣлалось опаснымъ; заговорили рѣшительно о принятіи мѣръ къ спасенію команды и имущества. Но какъ спастись при такой погодѣ; какъ преодолѣть явно-гибельныя трудности въ переправѣ съ фрегата на берегъ; какія прибратъ средства надежныя изъ — невозможнаго сдѣлать возможное, изъ непрео-

долимаго — побѣдимое, отъ смерти явной — быть и жить?... Упованіе на Бога, отважности и присутствіе духа моряка чего не преодолеютъ, надъ чѣмъ не восторжествуютъ? «Смѣлымъ Богъ владѣеть» — вскричали два моряка! и мигомъ шестивесельный катеръ спущенъ на воду..... Два офицера N. N. и шесть человѣкъ матросовъ, напутствуемые благословеніемъ и пожеланіемъ добраться къ берегу, распрощались на предсмертный часъ и взявъ конецъ веревки, оставленной другимъ концомъ на фрегатѣ, смѣло пустились на явную смерть..... отчалили..... волна одна и другая быстро подхватили катеръ..... а налетѣвшій валъ скрылъ его отъ нашихъ глазъ..... «Погибли!» вскрикнули мы въ страхѣ и уныніи..... «Спасены!» раздалось въ воздухѣ..... Дѣйствительно, смотримъ и глазамъ не вѣримъ: собравшіеся еще съ ранняго утра на посмотри участи нашей тысячи японцевъ и японокъ, человѣколюбиво толпою хлопотали и заботились около чего-то на берегѣ; это что-то — былъ нашъ катеръ и наши смѣльчаки-спасители! Японцы смѣтили, предъугадывая намѣреніе относительно направленнаго къ берегу катера и рассчитывая, что несущіеся къ берегу буруны непременно выкинутъ туда катеръ, привязались на веревкахъ и какъ только катеръ нанесло на берегъ, схватились за него, удержали и не дали съ отливомъ унестись ему обратно въ море! Добрый народъ; право добрый и человѣколюбивый! Здравствуйте жъ, люди добрые на многія лѣта, живите и помните, что услуга ваша спасла до 500 человѣкъ народовъ — иноземныхъ, обязала жизнию по нынѣ живущихъ и признательно памятующихъ о 4-мъ днѣ января 1855 года!!! Веревочная опора основалась, тотчасъ началась проба къ переправѣ нашей съ фрегата на берегъ; шесть человѣкъ отправились въ лодкѣ по канату..... волна за волной захлестывали ихъ: то покажутся изъ воды, то опять скроются; волосъ дыбомъ становился, наконецъ добрались очень медленно и вытаснены на берегъ всѣ живыми! Бушующая погода и застигшая ночь остановили дальнѣйшую нашу переправу, — свозъ отложенъ былъ до утра. Ночь провели мы безъ сна; и всѣмъ, — что было ёмкое, отливали воду; но прибывъ ея не уменьшалась, очевидная гибель наша становилась часъ

отъ-часу неминуемою..... между тѣмъ изъ разныхъ обломковъ досокъ дѣлали плотъ; утра мы ждали какъ особенной благодати Божіей..... Начало свѣтать, вѣтеръ хотя и стихъ нѣсколько, но буруны и сильное волненіе у береговъ не унимались. Приступили къ переправѣ, которая происходила такъ: медика, четырехъ трудно-больныхъ, мичмана, двухъ гардемаринъ и меня со св. Дарами, — антиминсомъ, крестомъ и Евангеліемъ посадили на амиральскій катеръ и первыми отправили на берегъ. Катеръ долго тянулся по канату; а вблизи берега будучи подхваченъ буруномъ, стремительно выкинуть вмѣстѣ съ нами на берегъ благополучно. Команду свозили партіями: по шестидесяти человѣкъ сажали на баркасъ, который люди тянули также по канату и не доплывая до буруновъ, останавливались; за тѣмъ накидывая подъ руки веревочную передвижную петлю, подаваемую по канату съ берега, каждый по одиночкѣ былъ таскаемъ чрезъ буруны на берегъ. Послѣднимъ переправился съ фрегата на берегъ, при страшно возобновившейся непогодѣ, вице-адмиралъ Путятинъ. Такой ужасный переводъ людей и нѣкотораго весьма необходимаго имущества, окончился предъ вечеромъ благополучно. 6-го числа (въ день Богоявленія Господня) фрегатъ мы видѣли довольно погруженнымъ въ воду; нѣкоторые изъ матросовъ плавали къ нему на баркасѣ, свезли съ него часть багажа, незалитаго еще водою; день этотъ провели весь въ заботливости о мѣрахъ къ спасенію отъ конечной гибели фрегата. Японцы съ состраданіемъ смотрѣли на насъ и особеннымъ участіемъ содѣйствовали къ подаію всякой возможной помощи. 7-го числа, рано утромъ, собрали они до сотни лодокъ своихъ и при продолжающейся непогодѣ отправились съ частію нашей команды къ фрегату, чтобы перетянуть его для починки въ близкацій закрытый портъ. Долго хлопотали они около фрегата, усилъ стянуть его съ мѣста и провели верстъ пять по назначенному направленію..... далѣе, видимъ мы съ берега, что всѣ тѣ лодки, бросивъ фрегатъ, послѣдно стремятся къ берегу..... мы изумились этому и не понимали причины дѣйствія японцевъ; не прошло и четверти часа, какъ появился сильнѣйшій шквалъ, развелъ страшное волненіе, обратилъ и понесъ фрегатъ

нашъ на прежнее мѣсто. Тутъ начало его вертѣть и кружить, а наскочившій бурунъ опрокинулъ его вверхъ дномъ!.... Долго яры волны съ шумомъ и трескомъ разбивались о дно злополучнаго судна; долго — страшные буруны играли съ своею жертвою; заунывно выли вѣтры отходную пѣснь гибнувшей «Діанѣ» и.... наступившая ночь скрыла отъ насъ окончательную участь фрегата!.... Утромъ слѣдующаго дня, видно его уже не было. Такъ погибъ у береговъ японскихъ нашъ кругосвѣтный домъ, такъ окончилъ свое бытіе злополучный русскій фрегатъ «Діана»!! Поскорбѣли..... погоревали..... и обратились къ добрѣйшимъ людямъ — японцамъ.

ГЛАВА XI.

Заботливость о насъ японцевъ. Переходъ изъ Міасимо въ ^{Када}Встрѣча насъ городскими жителями. Размѣщеніе наше.

Состраданіе японскаго правительства къ нашему горькому положенію не замедлило выразиться въ искреннемъ добросердечіи, особенной внимательности и явномъ человѣколюбіи. Присланные нарочно изъ столичнаго города чиновники, скорбѣли о постигшемъ насъ несчастіи, заботились о нашемъ успокоеніи, хлопотали о средствахъ обсушить, согрѣть и накормить насъ. Каждодневно прибывающій толпою изъ городовъ и селеній народъ японскій, а въ особенности жители Міасимо, оказывали намъ какое тольмо могли пособіе: иные поспѣшно ставили заборчатые сараи и навѣсы, чтобы укрыть насъ отъ непогоды; другіе несли циновки, маты, ковры, ватныя одѣяла, халаты и разную обувь; кто приносилъ чайники съ кипяткомъ и чаемъ, кто — рисъ, саги (водки) апельсины, рыбу, яйца; замѣчательно было то, что нѣкоторые изъ японцевъ, снимая съ себя халаты, тотчасъ отдавали ихъ нашимъ перезябшимъ и передрогшимъ матросамъ..... Участіе на дѣлѣ, выражалось соболѣзнованіемъ на лицѣ японцевъ; ласковая утѣ-

шительная улыбка, вздохи, привѣтственные поклоны, скоробѣжная походка и другія дѣйствія облегчали наше горѣ. Не долго пробыли мы здѣсь; 11-го числа, раздѣлясь на двѣ партіи, отправились пѣшеходно по большой дорогѣ въ ~~Хеддо~~. Больныхъ нашихъ несли японцы въ какихъ-то ящикахъ, весьма красивыхъ и покойныхъ. Ящики эти устроены изъ тонкихъ досокъ съ окнами по сторонамъ; внутренность убрана чисто и прекрасно; тамъ имѣются мягкій тюфякъ, теплое одѣяло и другія принадлежности, сидѣть или лежать въ такихъ ящикахъ весьма удобно, а главное — покойно. Походная эта клѣтка, довольно занимательная вещь въ Японіи. Шли мы по дорогѣ около пятидесяти верстъ два селенія и города были частые, — въ которыхъ останавливались для отдыха. Японцы иные слѣдовали за нами, а большую частію изъ любопытства сходились во множествѣ на посмотреть насъ къ той дорогѣ, по которой мы проходили; они припадали къ землѣ въ знакъ своего намъ почтенія, или привѣтствовали, по обычаю, наклоненіемъ головъ и присѣданіемъ. Въ мѣстахъ отдыха угощали насъ радушно всѣмъ, что только имѣлось съѣстнаго. Между шедшіе впереди чиновники отводили для нашего ночлега драмы и кумирни, но кумировъ или выносили вонъ, или составляли досками довольно щитно. На полдорогѣ какой-то старшій чиновникъ раздавалъ намъ въ подарокъ — конверты; въ конвертѣ этомъ съ надписями находился рисунокъ съ прекраснѣйшаго дерева японскаго, названіе котораго не припомню. (Видъ конверта и рисунка.) Приближаясь къ ~~Хеддо~~, повстрѣчалась намъ въ первый разъ японская почта. Напротивъ насъ бѣжалъ очень скоро одинъ японецъ съ предлинною палкою, значкомъ на ней, и съ сумою или съ небольшимъ ящикомъ на груди; изъ любопытства тотчасъ освѣдомились, что эта почта съ казенными бумагами и частными письмами; ящикъ этотъ передается отъ одного лица-другому на извѣстныхъ станціяхъ до тѣхъ поръ, пока посылаемое достигнетъ своего назначенія. 12-го числа вступили мы церемоніальнымъ порядкомъ въ ~~Хеддо~~ при многочисленномъ стеченіи народа, знатнѣйшихъ особъ городскихъ и чиновниковъ японскихъ. Встрѣча намъ была тоѣжественная, ласговая, добро-

душная; въ обычныхъ поклонахъ высказывалось примѣрно наше русское привѣтствіе: «милости просимъ», «добро пожаловать», «ради гостямъ!»! Насъ привели къ назначенному для жительства нашего мѣсту; здѣсь нашли мы вновь построенные дома для нижнихъ чиновъ. Вице-адмиралу и всѣмъ офицерамъ отведенъ большой особый домъ, бывший кумирнею, или храмомъ городскимъ. Кумиры были вынесены, на полу разосланы чистые маты, разставлена по мѣстамъ разная провизія; мы размѣстились по назначенію и удобству. На другой день явившіеся чиновники принесли отъ своего правительства много подарковъ, были приняты съ почестями и отправлены съ церемоніею. Съ этого времени и по іюль мѣсяць имѣлъ я постоянное въ городѣ *Иедо* пребываніе; что самъ видѣлъ, понималъ или соображалъ о дѣяніяхъ мѣстныхъ жителей, о томъ и буду рассказывать вамъ, благосклонный читатель. Не взъщите на излишнихъ подробностяхъ моего описанія, примите во вниманіе первое то, что языкъ японскій мнѣ не извѣстенъ, хотя къ нѣкоторымъ немногимъ словамъ его я по времени и примѣнился; во-вторыхъ, осмотръ мой мѣстности не простирался далѣе города и на разстояніе небольшое за городомъ; въ третьихъ, ходилъ я на прогулку всегда одинъ и въ-четвертыхъ — записывая, что видѣлъ и слышалъ, сообщаю вамъ не какъ писатель, желающій извѣстности, а какъ рассказчикъ для свѣдѣнія о Японіи.

ГЛАВА XII,

въ которой рассказъ идетъ о Японіи.

Климатъ, разнаго рода постройки, личность и жизнь японцевъ, обряды и вѣроисповѣданіе, растенія и всякаго рода произведенія, промыслы — будутъ предметами слѣдующаго моего разсказа. Свѣдѣнія объ этомъ собраны мною въ полугодичное пребываніе въ городѣ *Иедо* и потому за краткость ихъ, да не взъщеть съ меня благосклонный читатель. Я не примѣняю далѣе сказаннаго къ общей мѣстности въ Японіи, — но замѣтки свои вывожу: одѣвъ по

собственному соображенію, другія — съ сообщеннаго японскими бонзами (тоже, что у насъ священники) и, наконецъ, третьимъ самъ былъ на мѣстѣ очевидцемъ. Съ бонзами и особенно двумя изъ нихъ: Нитто и Зюйто, я скоро сошелся дружественно; искренно — пріятно. У нихъ я проводилъ большую часть времени свободного, объясняясь въ началѣ знаками, а потомъ и на словахъ, довольно хотя отрывистыхъ, но для того и другаго понятныхъ. Люди эти добрые — остались и останутся въ памяти моей навсегда за ихъ добродушіе, ласку, гостепріимство, нелицемерную искренность при проходахъ и прощаніи со мною во 2-е число іюня 1855 года. Да будетъ жизнь ихъ и всѣхъ японцевъ въ мирѣ.

Климатъ.

Хотя въ пребываніе наше въ городахъ Симодѣ и ~~Юкко~~ бывали дни ненастные, перепадали изрѣдка дожди, находили густые туманы, случалась пора нѣсколько холодная; но непродолжительное такое ненастье вовсе нельзя сравнивать со всѣми тѣми непогодами, которыя бывають у насъ, въ Россіи, и вособенности на Сѣверѣ. Наша осень можетъ даже почесться зимою въ Японіи; по большей части погода здѣсь довольно теплая и дни постоянно ясные. Сады зеленѣютъ, цвѣты — благоухають, солнце съ утра до вечера свѣтитъ ярко, ночи — съ прохладюю... если дождь когда и пройдетъ, то орошая землю, освѣжитъ воздухъ. Возможно ли, наприимѣръ, у насъ въ январѣ и февралѣ — купанье въ рѣкѣ?... мы купались по два и по три раза въ день и вода была теплѣе нашей воды! Бываетъ ли у насъ въ то же время какая либо зелень въ садахъ и на поляхъ?... мы видѣли и деревья съ плодами, и долины покрыты зеленью. У насъ зимою природа мертва — въ Японіи она живительна, благотворна; при холодахъ мы кутаемся въ довольно теплое платье, а здѣсь и въ легкой одеждѣ невыносимо жарко; у насъ въ домѣ по нѣсколько печей — японцы и понятія объ нихъ не имѣють. А потому и заключаю, что климатъ въ Японіи долженъ быть постоянно прекрасный, теплый, живительно благотворенный.

Кидо

Постройки.

Кеда

Зданія въ городѣ Кеда гораздо хуже тѣхъ построекъ, которыя я видѣлъ въ Хакодадѣ и Симодѣ. На вопросъ о непрочности жилыхъ домовъ и не особенной рачительности о постройкахъ, японцы, съ которыми я былъ знакомъ, отзывались мнѣ, что часто бывающее въ ихъ странахъ землетрясеніе не располагаетъ строить даже какое либо зданіе изъ камня. Дома у нихъ всѣ деревянные, одноэтажные, весьма рѣдко двухэтажныя, на глиняныхъ, твердыхъ фундаментахъ. Потеря такого дома чрезъ землетрясеніе, — не великое, конечно, горе для японца; лѣсу много и постройка цѣлаго дома не убыточно можетъ быть сдѣлана въ нѣсколько дней. Строятъ они дома свои такъ: укрѣпивъ на фундаментѣ стоймя и наизкосъ извѣстное число столбовъ и перекладины деревянныхъ, накалчиваютъ къ нимъ гвоздями съ обоихъ сторонъ тонкія, покрытыя иногда узорчатымъ лакомъ, доски; въ простѣнкахъ дѣлаютъ отверстіе для дверей и оконъ, снаружи углы связываютъ для прочности листовую мѣдью, кроютъ соломою и вособенности красиво черепицею. Если домъ желаютъ построить двухэтажный (что впрочемъ весьма рѣдко бываетъ), то столбы выбираютъ высокіе, или наставляютъ по мѣрѣ надобности; этажъ верхній отъ этажа нижняго отдѣляютъ досками, верхъ назначается обыкновенно для жилыхъ комнатъ домовладѣльца, а низъ — для прислуги или кладовыхъ. Домъ богатаго человека отличается отъ дома простолюдина преимущественно тѣмъ, что ставится вдали отъ улицы, имѣетъ передъ собою просторный дворъ и окружается или досчатымъ высокимъ заборомъ, или же земляною насыпью; дома же людей небогатыхъ тѣсно прижаты одинъ къ другому въ уровень по улицѣ; садъ или цвѣтникъ прекрасный и огородъ небольшой — необходимая принадлежность почти каждаго дома, кромѣ того при нѣкоторыхъ домахъ есть разнаго рода мелочныя пристройки. Японцы по одному и тому же образцу, строятъ всѣ прочія, кромѣ храмовъ, зданія. Внутреннее расположеніе жилыхъ домовъ изъ подвижныхъ бумажныхъ или тростниковыхъ, весьма красивыхъ, ширмъ; число комнатъ во

всякое время можно прибавить и убавить по произволу; стѣны оклеиваются росписною, даже золоченою бумагою; въ окнахъ рамъ и стеколь нѣтъ, пустое отверстіе заставляется на ночь ширмами. Украшеніе — по стѣнамъ: картины, разныя ручныя издѣлія, — значительныя и ничтожныя рѣдкости, печей нѣтъ, а вмѣсто ихъ посрединѣ комнаты сложенъ небольшой очажокъ, надъ которымъ постоянно виситъ котелокъ или чайникъ; дрова день и ночь горять внизу очага; въ котелкѣ варится какое либо кушанье, а въ чайникѣ растворяется чай. Столовъ, стульевъ, дивановъ, кроватей и прочаго, — какъ у насъ водится, — ничего нѣтъ; по полу разостланы соломенные очень красивыя маты, цыновки или плетенки, — посуда помѣщается на доскѣ, прикрѣпленной къ стѣнѣ; чистоту, опрятность, во всемъ дивный порядокъ японцы соблюдаютъ вособенности. При дворѣ человѣка богатаго или знатнаго слугъ множество, а дѣлать имъ по большей части нечего. Праздность есть отличительное занятіе, такъ называемыхъ по нашему, дворовыхъ людей. Богачъ японскій, или вельможа, при домѣ своемъ имѣетъ обширный садъ съ особенными деревьями, а въ комнатахъ стѣны размалеваны живописью какихъ-то безобразныхъ уродовъ; фарфоровая и отлично лакированная посуда, золотыя и серебряныя вещи составляютъ истинную роскошь каждаго богатаго японца. Мелочныя пристройки заняты предметами торговли, имуществомъ домовладѣльца или служителями его. Вообще всякаго рода постройка въ Японіи однообразно деревянная, малопрочная, неслишкомъ красивая; но жителямъ мѣстнымъ очень пригодная, какъ по теплomu климату, такъ и незначительной потерѣ ея при случаѣ нерѣдко бывающаго въ той странѣ землетрясенія. (Въ пребываніе наше землетрясеніе было около шести или семи разъ.) Улицы въ городѣ и селеніяхъ прямыя, не слишкомъ широкія; содержатся онѣ весьма чисто; въ началѣ и концѣ нѣкоторыхъ улицъ — ворота, при иныхъ находится караулъ военный, строго наблюдающій за порядкомъ и благочиніемъ. Въ ночное время каждая улица хотя слабо, но освѣщается фонарями; по пробитіи въ колоколъ ночныхъ часовъ, настаетъ удивительная тишина по всему городу. Кто имѣетъ надобность идти по улицѣ ночью,

тотъ непременно долженъ имѣть фонарь въ рукѣ, — иначе часовые тотчасъ арестуютъ

Личность японцевъ.

Японцы всё вообще ростомъ довольно малы. Насъ — русскихъ, считали они противъ себя за великановъ; тѣлосложеніе они полнаго, лицомъ блѣдны и не красивы; ходятъ съ нѣсколько наклонною головою; взглядъ привѣтливый, выраженіе лица кроткое, постоянно съ улыбкою и добродушное. Извѣдать нравъ и характеръ ихъ, представлялось много случаевъ; но я сошлюсь только на особо отличительные и для насъ достопомятные. Японцы: сострадательны и человѣколюбивы, — это доказано ими на дѣлѣ при спасеніи насъ во время гибели фрегата «Діана»; гостепріимны и добры, — они, измѣнивъ даже законъ свой — не принимать въ государство людей иностранныхъ, кромѣ голландцевъ, приняли насъ ласково въ странѣ своей, дали пріютъ и доставляли все относящееся до жизненной потребности; дружелюбны и чувствительны, — во все время пребыванія нашего у нихъ не только не дѣлали оскорбленія кому либо изъ насъ, но оказывая всегдашнюю свою благорасположенность и почтительность каждому, пріязнь свою и сожалѣніе о насъ выразили при отъѣздѣ нашемъ изъ Японіи. Между собою одинъ къ другому почтительны, всегда кротки и миролюбивы. Конечно, о каждомъ японцѣ сказать этого нельзя, иной надмѣненъ и гордъ, въ другомъ видно притворство и лицемеріе, тотъ — боязливъ и недовѣрчивъ, а въ комъ либо есть другіе и болѣе того предрасудительные пороки; но говорить объ этомъ — дѣло не мое; я видѣлъ къ себѣ одно хорошее и довольно этого. Многочисленность жителей въ городахъ и приморскихъ селеніяхъ даетъ возможность заключать, что Японское Государство чрезвычайно многолюдно. Каждый клочекъ земли, удобный къ постройкѣ — застроенъ; каждый небольшой домикъ вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько семей японцевъ; иные даже кочуютъ просто подъ открытымъ небомъ, съ зонтами въ рукѣ и вѣерами за поясомъ, одѣяніе японцевъ большею частію одинаково: халаты съ широкими

рукавами служатъ у мужчинъ и женщинъ за верхнее и исподнее платье, они шьются: верхъ изъ бумажной ткани, а подкладка всегда изъ шелковой узорчатой матеріи; покрой или длинный до пятъ — или короткій по колѣна, съ отложными красивыми воротниками и очень широкими, въ видѣ нашихъ священническихъ рясъ, рукавами; въ рукавахъ японцы носятъ съ собою — много кое-чего мелочнаго. Достоинство лучшей по подкладкѣ матеріи и число надѣтыхъ халатовъ, — опредѣляетъ состояніе японца; чѣмъ подбой халата лучше, и на плечахъ ихъ больше, тѣмъ онъ считается богаче противъ другаго; богачи и щеголи надѣваютъ иногда до пяти халатовъ, люди средняго состоянія — отъ 2 до 3-хъ, а бѣдные по одному и по два имѣютъ халата. Опоясываются кушакомъ, довольно широкимъ, концы котораго женщины пускаютъ съ лѣвой стороны длинные, а мужчины завязываютъ бантомъ назадъ; за кушакомъ у нихъ: вѣера, чернилица, трубка табаку и многое другое. У чиновниковъ кромѣ того по два кинжала. Поверхъ накладываютъ халатъ короткій; послѣдній употребляютъ въ двухъ одинакожъ случаяхъ: при церемоніяхъ праздничныхъ и тогда онъ бываетъ весь изъ лучшей шелковой матеріи съ разными богатыми вышивками, или въ непогоду и холодъ — изъ толстой бумажной ткани. Цвѣтъ матеріи халатной — разный, но самое нарядное праздничное или церемоніальное у нихъ платье — цвѣта темнаго или совсѣмъ чернаго. Матеріи чисто бѣлаго цвѣта японцы не любятъ; цвѣтъ бѣлый употребляется только во время какой либо особенной скорби и сѣтованія. Обувь общая у всѣхъ японцевъ — носки изъ бумажной матеріи и соломенные подъ ступнями плетенки, называемыя: «зори»; въ ненастную погоду, вмѣсто соломенныхъ, подвязываютъ деревянные тонкія колодки на шипахъ, въ комнаты входятъ въ однихъ чулкахъ, а зори оставляютъ, какъ мы колоши, у дверей. Голову въ жаркую пору прикрываютъ вѣерами, — зонтикомъ, креповымъ платочкомъ; въ прохладное же время ходятъ прямо съ открытою головою; бороды и усы брѣютъ или ловко подрѣзаютъ, даже вырываютъ щипчиками по волосинкѣ; волосы съ передней части головы до ушей сбываютъ на-чисто; а задніе отращиваютъ длинно, намазываютъ клейкою черною жидкостію,

зачесываютъ кверху, взбиваютъ у макушки головы, затягиваютъ шнуркомъ и завертываютъ въ пучокъ. Женщины всѣ волосы за-вертываютъ на головѣ пучками, закладываютъ высокій гребень множество лентъ, искусственныхъ цвѣтовъ и разныхъ серебря-ныхъ или золотыхъ шпилекъ и фигурокъ. Мужчины галстуковъ, а женщины какихъ либо украшеній на шеѣ не имѣютъ; толь-ко воротники у халатовъ отдѣляютъ одинъ отъ другаго, что-бы показывать — сколько ихъ надѣто. Замѣчательны у всѣхъ безъ разбора японцевъ, платки носовые; это клочокъ чистой мягкой пиццей бумаги, — которою они утираютъ носъ свой только одинъ разъ, а потомъ бросаютъ какъ нечистое и болѣе уже негодное.

Жизнь японцевъ.

При восходѣ солнца ударяютъ нѣсколько разъ въ большой чрезвычайно звонкій колоколъ; затѣмъ ворота по улицамъ отво-ряются и японцы, кому нужно, выходятъ изъ домовъ своихъ для занятій. Словомъ, посредствомъ колокола возбѣщается жите-лямъ то, что для свойственныхъ каждому работъ, день насталь. Не дознался я какъ японцы рассчитываютъ время ночи и время дня, но знаю положительно, что часы ночные означаютъ боемъ въ дощечки, а часы дневные — боемъ въ колоколъ. Кушаютъ, по обыкновенію своему, три раза на день: утромъ, въ полдень и ве-черомъ. Вседневная пища ихъ: каша изъ сорочинскаго пшена, — это вмѣсто хлѣба; похлебка изъ рѣдьки, или супъ изъ гри-бовъ, кисель изъ бобовъ, вяленая рыба, раки, всякаго рода зе-лень и трава; тертая рѣдька, огурцы, бобы съ медомъ, горохъ, яицы, плоды, китовый жиръ и многое другое; но любимое ихъ кушанье — молодой бамбуковый тростникъ, который разводится во множествѣ по рѣкамъ и приморскимъ берегамъ. Соли не бы-ваетъ при кушаньи, а вмѣсто того просоленную рѣдьку въ ломти-кахъ, прикусываютъ за каждымъ глоткомъ употребляемой пищи. Ложекъ и вилокъ нѣтъ; жидкость прихлебываютъ прямо изъ ча-шки, а какіе либо кусочки берутъ и въ ротъ кладутъ двумя тон-кими палочками; садятся на полу, ѣдятъ изъ одной чашечки, ста-

вятся на подносахъ предъ каждымъ отдѣльно (рисунки двухъ чашечекъ и вилки японской). Ъдятъ такъ мало, что у насъ семилѣтній дитя больше съѣсть можетъ; завтракъ, обѣдъ и ужинъ бывають у нихъ не продолжительно, послѣ чего безпрестанно курять табакъ изъ маленькихъ трубочекъ (рисунокъ трубки) и пьютъ горячій чай безъ сахара, въ это время промежду собою разговаривають. Холоднаго питья, неваренаго чего либо, совершенно не употребляютъ; дрова постоянно горять подъ очагомъ, чайникъ мѣдный съ водою и чаемъ день и ночь виситъ надъ огнемъ. Чай кипятятъ, а потомъ наливають въ фарфоровыя чашечки (рисунокъ этой чашечки). Къ безпрестанному питью чая и куренію табака какъ мужчины, такъ женщины, даже нерѣдко дѣти, страшные охотники. Сахару у нихъ нѣтъ, а есть песокъ, который содержитъ въ себѣ не много сладости. Японцы всѣ отъ богатаго до бѣднаго, отъ знатнаго до простолюдина, между собою миролюбивы и одинъ къ другому всегда почтительны. Встрѣчаясь на улицахъ, или при свиданіи въ домахъ, безъ разбора знакомства обоюднаго, непременно другъ-другу кланяются. Поклоны эти выражаютъ разными манерами: или приложеніемъ ладоней обѣихъ рукъ повыше колѣнъ и присѣданьемъ одинъ предъ другимъ по нѣскольку разъ; или нагибаются довольно низко, присѣдаютъ на колѣна и касаясь пальцами до земли, произносятъ привѣтныя слова; или предъ старшимъ и знатнымъ падаютъ ницъ лицомъ, ладони кладутъ на полъ, лбомъ касаются земли и громко произносятъ слова. Старшіе, знатные — младшимъ и простолюдинамъ отвѣчаютъ или наклоненіемъ головы, или же небольшимъ присѣданьемъ. Почтительность у японцевъ между собою и взаимное миролюбіе есть особенное, отличительное свойство ихъ жизни; нарушителя этого мѣстнаго обычая наказываютъ по всей строгости закона. Тишина, благопрістойность и честность — удивительно сохраняются; пьяныхъ и безобразно шатающихся японцевъ я вовсе не видалъ; воровство, насиліе и присвоеніе чужой собственности влечетъ за собою позорную, даже смертную казнь. Празднество у нихъ бываетъ тихо, скромно и благопрістойно; въ знакъ того, что насталъ праздникъ, выстав-

ляютъ на домахъ пучки изъ травы; угощаютъ другъ-друга сагою, конфетками и чаемъ. Саги — хмѣльное вино. Это лучший напитокъ у японцевъ; дѣлаютъ его изъ сарочинскаго пшена и сохраняютъ лучшую въ глиняныхъ горшкахъ, а посредственную въ четырехугольныхъ деревянныхъ ящикахъ. Пьютъ весьма умѣренно и никакъ не до пьяна. Конфеты дѣлаютъ въ видѣ круглыхъ лепешечекъ изъ муки того же пшена, съ примѣсью сахарнаго песку, на вкусъ не очень пріятны, но у японцевъ считаются эти конфеты за особенное наслажденіе. Чай у нихъ черный и зеленый; первый употребляютъ вседневно, а послѣдній при угощеніи и въ праздники. Кромѣ обычныхъ, незначительныхъ празднествъ, замѣчательнъ у нихъ праздникъ дѣтскій: дѣтей одѣваютъ въ весьма красивые халаты, приводятъ во множествѣ на площадь и здѣсь предоставляютъ имъ свободу бѣгать, играть, плясать, кувыркаться, послѣ чего одѣляютъ конфетками и подарками. Собственную радость, похвалу и одобреніе другаго, выражаютъ хлопаньемъ въ ладоши, при горѣ же и печали, надѣваютъ халаты изъ матеріи бѣлаго цвѣта, волосъ въ это время не брѣютъ и ногтей не обстригаютъ. Японцы, имѣютъ лошадей, — которыхъ употребляютъ для верховой ѣзды по горамъ, — возки разныхъ тяжестей и дровъ изъ лѣсу; разводятъ коровъ, воловъ, сабакъ; но всѣ эти животныя весьма мелкой породы. Куръ, — утокъ, у нихъ множество; до скотоводства Японцы большіе охотники по мясное въ пищу употребляютъ весьма немногіе изъ нихъ.

Вѣроисповѣданіе и обряды.

Обряды вѣроисповѣданія у японцевъ многообразны: инже вѣру свою заключаютъ въ поклоненіи духамъ невидимымъ, — изъ которыхъ духъ свѣта есть главное божество, другіе обожаютъ огонь, солнце, луну и звѣзды; нѣкоторые вѣрують въ переселеніе душъ въ скотовъ, птицъ и потому нивакихъ животныхъ не умерщвляютъ и мясное въ пищу не употребляютъ; многіе же вѣру свою поставляютъ въ исполненіи чрезъ бонзовъ однихъ только наружныхъ обязанностей. Храмовъ по городамъ и селеніямъ, часовень по горамъ и въ лѣсахъ множество. Постройка храмовъ

тотчасъ отличается отъ постройки домовъ своею изящностію, величиною и кровлею крыши. Не много вдали подъ навѣсомъ — большой колоколь, въ который при началіи службы, рано утромъ и поздно вечеромъ ударяють нѣсколько разъ довольно часто молотомъ: при дверяхъ большія каменные чаши съ водою для омовенія рукъ; въ храмѣ къ одной стѣнѣ наставлено множество кумировъ: вылитыхъ изъ серебра, мѣди и другаго металла, вырѣзанныхъ изъ кости и дерева. Кумиры эти имѣють видъ разнородныхъ животныхъ и птицъ, напримѣръ: собакъ, зайцевъ, пѣтуховъ (рисунокъ кумира); предъ ними стоятъ небольшіе подсвѣчники со свѣчами; посрединѣ на помостѣ небольшая скамѣчка съ книгою на ней, по сторонамъ скамѣчки два барабана круглые: направо звонкій и налѣво глухой. На моленіе не ходять, а если кто желаетъ помолиться, придя одинъ въ храмъ, падая ницъ лицомъ, указываетъ на кумира и проситъ бонзу принести ему въ жертву сорочинское пшено и прочесть извѣстное словословіе. Бонза, принявъ сорочинское пшено, послѣ чего японецъ выходитъ, одѣвается въ халатъ бѣлаго цвѣта, наполняетъ пшеномъ пустую голову кумира, между зубъ его вкладываетъ зерна три или четыре и, присѣвъ на колѣна, начинаетъ молитвословіе по книгѣ нараспѣвъ, долго кричитъ, перемѣняя тоны голоса и при перемѣнѣ тона — бьетъ въ звонкій барабанъ, третъ въ рукахъ своихъ четки (рисунокъ четокъ), а когда кончитъ молитву, то разъ ударитъ въ глухой барабанъ, съ величайшимъ вниманіемъ около минуты посмотреть на того кумира, которому цѣль молитву, за тѣмъ еще тише ударитъ въ глухой же барабанъ, встанетъ и тихонько отойдетъ въ свое жилое отдѣленіе. Послѣ чрезъ нѣсколько минутъ выбравъ изъ головы кумира пшено, употребитъ въ свою пользу. Я неоднократно бывалъ очевидцемъ такого однообразнаго моленія у японцевъ, а по времени узналъ отъ бонзы, что удареніе его разъ въ глухой барабанъ, означаетъ то, что жертва кумиромъ принята, а ударъ второй — выражаетъ, что кумиръ опочилъ, или заснулъ. Духовенство японское — бонзы живутъ по два и по три въ храмѣ, тутъ же — предъ кумирами своими — они ѣдятъ пищу, курятъ табакъ, пьютъ чай и разговаривають о всемъ житейскомъ.

Они подвѣдомы старшимъ надъ ними духовнымъ властямъ, а власти эти зависятъ отъ духовнаго императора, который, кромѣ свѣтскаго императора, никогда и ни кѣмъ изъ народовъ не видимъ. Онъ мѣста бонзамъ раздаетъ за деньги, за деньги же нерѣдко прославляетъ бонзу по смерти и повелѣваетъ ставить предъ тѣмъ храмомъ, въ которомъ служилъ умершій, памятникъ въ видѣ истукана. Правда рѣдко это бываетъ, но я видѣлъ таковыхъ истукановъ нѣсколько при разныхъ храмахъ. Кромѣ бѣлаго духовенства, есть секта монашествующихъ, которые живутъ по горамъ и моленіе свое отправляютъ въ часовняхъ. Бонзы голову брѣютъ на-чисто, во время молитвословія перекидываютъ чрезъ плечо широкій поясъ, на концѣ котораго сумка и колокольчики. Обряды совершаемые духовенствомъ при рожденіи младенца, бракосочетаніи и погребеніи умершихъ видѣлъ я лично. Какъ только народится младенецъ, бонзу призываютъ въ домъ, здѣсь онъ распѣваетъ одинъ около четверти часа по книгѣ, — за тѣмъ на младенца надѣваетъ шелковый халатъ, опоясываетъ и за поясъ закладываетъ трубку, кошелекъ съ табакомъ, огнивомъ и тѣмъ дѣло кончается. Бракъ совершается тоже въ присутствіи Бонзы въ домѣ; онъ съ полчаса читаетъ по книгѣ на-распѣвъ, потомъ женихъ беретъ руку невѣсты, сжимаетъ ее крѣпко такъ, что послѣдняя вскрикнетъ, далѣе ей чернятъ зубы какимъ-то крѣпкимъ составомъ и тѣмъ обрядъ оканчивается. Между тѣмъ отецъ и мать невѣсты горько плачутъ о будущей судьбѣ своей дочери. Число лѣтъ для бракосочетающихся не означено; съ 10-ти лѣтняго однакожъ возраста японцы вступаютъ въ бракъ; у каждаго японца по одной законной женѣ, кромѣ которой ему предоставляется право имѣть при себѣ еще трехъ женъ, онѣ живутъ всѣ вмѣстѣ при японцѣ; въ правѣ и распоряженіяхъ по хозяйству подчиняются старшей, т. е. законной женѣ его. Разводъ съ женами у японцевъ не воспрещается: каждый имѣетъ право разводиться съ женою своею самопроизвольно, безъ всякаго дозволенія на то отъ правительства. Ни отецъ съ матерью, ни кто другой сторонній человѣкъ не могутъ принять въ домъ свой той женщины, которая, бывъ замужемъ, отчуждена имъ отъ себя. Погребеніе умершихъ совершается довольно замѣ-

чательно: призванный въ домъ бонза читаетъ надъ умершимъ нѣ- сколько по книгѣ; мертваго опускаютъ въ сидячемъ положеніи въ ящикъ, заколачиваютъ гвоздями, вечеромъ несутъ за городъ и тамъ сожигаютъ на огнѣ. Пепель зарываютъ въ землю и ставятъ памятникъ; въ памятникѣ дѣлаютъ небольшой ящичекъ, въ который въ извѣстное время кладутъ деньги для бонзовъ и горныхъ монаховъ. Богатые люди предають тѣла умершихъ своихъ родныхъ землѣ, на кладбищахъ, безъ сожиганія, при этомъ случаѣ бываетъ особенная церемонія, та, что старшаго бонзу несутъ до кладбища за гробомъ на плечахъ носильщики, а младшій идетъ пѣшій, потомъ по два въ рядъ съ древесными вѣтвями, идутъ провожатые, на кладбищѣ бонзы много читаютъ по книгѣ на разноголосные тоны и во время этого гробъ зарываютъ въ землю. Погребеніе умершихъ совершается у японцевъ не только безъ малѣйшаго сожалѣнія, скорби и плача, но съ равнодушіемъ и холодностію; самые ближайшіе родные къ умершему, во время похоронъ, веселятся, курятъ непрерывно табакъ, устраниются и не только они сами, но даже никто сторонніе не входятъ въ ту комнату, въ которой лежитъ тѣло покойника. Вообще о вѣроисповѣданіи у японцевъ можно сказать, что люди сіи находятся въ величайшемъ заблужденіи о истинномъ богопоклоненіи.

Произведенія природы.

Разнородныхъ деревъ и цвѣтовъ въ Японіи весьма изобильно. По горамъ растутъ плодоносныя и фруктовыя деревья; въ долинахъ созрѣваютъ всякія ягоды; сорочинское пшено засѣвается хотя въ маломъ количествѣ, но родится во множествѣ; для посѣва его японцы удобряютъ землю, на которой разсѣваютъ пшено. и когда оно взойдетъ, то разсаживаютъ по грядамъ пучками. Сорочинскимъ пшеномъ и рѣдкою засѣваются большія пространства полей; этими двумя необходимыми произрастеніями продовольствуется вся многолюдная Японія. Чайныхъ деревьевъ множество; японцы не заботятся объ этомъ растеніи; хлопчатой бумаги и шелку чрезвычайное изобиліе. Во всѣхъ отношеніяхъ природа такъ богата своими произведеніями, что безъ всякаго усилен-

наго трудолюбія, Японцы живутъ, можно сказать, въ полномъ удовольствіи и безъ недостатка во всемъ.

Промыслы и торговля.

Особенная промышленность — рыбныя ловли. Торговля всякаго рода предметами производится точно также какъ и у насъ: у японцевъ есть лавки, въ которыхъ имѣются шелковая матерія, лакированныя, золотыя, серебряныя и мѣдныя вещи. Они продаютъ или торгуютъ между собою; съ другими иноземными народами, кромѣ голландцевъ, въ торговли дѣла не входятъ.

Въ заключеніе моего краткаго свѣдѣнія о Японіи, я могу прибавить вообще то, что Японія — прекрасная страна по климату; что японцы живутъ во всемъ изобильно и что народъ этотъ кротокъ и миролюбивъ въ общественной между собою жизни. 2-го числа іюля 1855 года, при добродушномъ проводѣ насъ, мы отплыли изъ Японіи на нанятомъ бременскомъ суднѣ къ восточнымъ берегамъ Сибири.

ГЛАВА XIII.

Плаваніе по Восточному океану. Взятіе русскихъ въ плѣнъ англичанами. Освобожденіе меня изъ плѣна. Портъ Аяцъ. Моя поѣздка по Сибири и прибытіе въ С.-Петербургъ.

Постоянные туманы замедляли плаваніе наше по океану; 20 числа, одинъ изъ офицеровъ, расположилъ праздновать день своего ангела. По отпращиваніи молебнаго пѣнія св. пророку Іліи, мы приступили къ закускѣ. Едва успѣли поздравить именинника, какъ вѣстовой, съ верхней палубы, громогласно возвѣстивъ, что вблизи нашего судна видѣнъ пароходъ, съ котораго вскорѣ за тѣмъ сдѣланъ выстрѣлъ изъ пушки. Шкиперъ нашего судна выкинулъ флагъ американской націи; съ парохода произошелъ второй выстрѣлъ и судно наше остановилось на ходу. Между тѣмъ 250 челов. запрятались въ самый нижній этажъ судна, по мор-

скому называемый «трюмъ», въ которомъ хранились разные припасы..... Слышимъ, на нашемъ суднѣ производится осмотръ..... дошло дѣло и до трюма..... Ни живы ни мертвы лежали мы одинъ почти на одномъ. «А здѣсь что?» спросилъ шкипера неизвѣстный намъ голосъ, «свѣстные припасы» отвѣчалъ хозяинъ судна. «Покажите» произнесъ тотъ же голосъ; трюмъ открытъ..... «хороши свѣстные припасы!!» произнесъ торжественно офицеръ: «это намъ и нужно» «Прошу выходить!» Съ величайшимъ страхомъ мы начали выходить по одиначкѣ на верхнюю палубу. Англійскій офицеръ, имѣя при себѣ до 20 человекъ вооруженныхъ матросовъ, съ самодовольствомъ посматривалъ и пересчитывалъ добычу. Мы объявлены плѣнными! Завидна ли была побѣда вооруженныхъ надъ безоружными, могуча ли битва, изъ двухъ выстрѣловъ состоявшая? Конечно, съ бывшимъ на суднѣ числомъ англичанъ мы могли управиться, но что случилось бы далѣе съ нашимъ судномъ, съ нами самими?! Съ парохода спущены гребные суда для перевозки на пароходъ.... У каждого была одна дума: съ перевозомъ всѣхъ на пароходъ вступить въ рукопашную, бросить англичамъ за бортъ и овладѣвъ пароходомъ пуститься на немъ къ берегамъ Сибири. Дума наша не осуществилась; англичане оцѣпивъ судно, повлекли его къ общей своей эскадрѣ, расположенной въ портѣ Аянъ и сдали командору Чарлсу Фредерику. Насъ размѣстили по каютамъ на разныхъ фрегатахъ и пароходахъ; обходились однакожъ довольно добросердечно; чрезъ четыре дня, послѣ взятія насъ съ плѣнъ, меня, доктора и больныхъ, англичане освободили и высадили въ портѣ Аянъ на берегъ; прочихъ же офицеровъ и команду оставили у себя въ плѣну. Въ портѣ Аянъ встрѣтился я съ преосвященнымъ Иннокентіемъ, съ которымъ пробывъ двое сутокъ, отправился 27 іюля въ тѣ мѣста, гдѣ жители порта Аянъ скрывались отъ нашествія непріятеля. 30 числа прибылъ сюда и преосвященный; 1-го августа оставили мы бѣдныхъ, утраченныхъ непріателемъ жителей и слѣдовали четырнадцать дней тѣсами по болотистымъ, топкимъ мѣстамъ на оленяхъ и лошадяхъ верхами, встрѣчая нерѣдко на пути своемъ медвѣдей. 14 августа, принявъ отъ его преосвященства напутственное благосло-

веніе, отправился я одинъ на почтовыхъ лошадяхъ по тракту, до С.-Петербурга, куда и прибылъ въ совершенномъ благополучіи 6-го декабря 1855 года.

Благодареніе Господу - Богу! совершилъ я путешествіе вокругъ свѣта, хотя не во всемъ благополучно, но возвратился въ совершенномъ здоровьи; что видѣлъ, о томъ и разскажалъ вамъ, мой благосклонный читатель. Вы прочли мои замѣтки? прошу не взыскать на подробности разсказа, на изящности слова: «чѣмъ богатъ», есть поговорка, «тѣмъ и радъ!»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Біографія протоіерея В. Е. Махова	1
Вступленіе	1
Глава I. Отбытіе фрегата изъ Кронштадта. Мысли при разлукѣ съ родиною. Морская болѣзнь. Копенгагенъ. Путь далѣе. Проливъ Ламаншъ. Атлантическій океанъ. С. Себастьянъ и его негостепримство. Переходъ чрезъ экваторъ. 6-е ч. декабря	3
Глава II. Рио-Жанейро.	9
Глава III. Мысъ Горнъ. Матросъ въ морѣ. Морскіе жители	15
Глава IV. Вальпарайсо. Жители его. Знакомство съ французами и англичанами. Загородная мѣстность. Нашъ отъѣздъ. Праздникъ пасхи на Тихомъ океанѣ	20
Глава V. Прибытіе на Сандвичевы острова. Конаки-нырки. Городъ и его жители. Представленіе наше королю. Посѣщеніе королемъ нашего фрегата. Рукописи его и королевской фамилии. Двукратное отбытіе съ острововъ.	25
Глава VI. Прибытіе фрегата «Діана» къ восточнымъ берегамъ Сибири. Заливъ де-Кастри. Дѣло моего служенія. Приведеніе гилляковъ—не христіанъ въ православную вѣру. Жизнь ихъ. Генераль-адъютантъ Путятинъ. Плаваніе фрегата «Діана» къ инымъ берегамъ Сибири и въ Японію.	32
Глава VII. Японія. Переходъ фрегата изъ порта въ портъ. Городъ Симода. 11-е ч. декабря 1854 г. Страшное землетрясеніе	36
Глава VIII. Фрегатъ «Діана». Молебствіе на фрегатѣ	39
Глава IX. Осмотръ фрегата. Мѣстность города Симоды. Японцы-горюны. Похороны матроса Соболева. Русскій священникъ и японское духовенство. Работы на фрегатѣ. Выходъ изъ Симодской бухты. Двѣ пословицы.	43
Глава X. Опасное положеніе. Промыслъ Божій и услуга японцевъ. Перепрыва съ фрегата на берегъ. Гибель фрегата «Діана».	45
Глава XI. Заботливость о насъ японцевъ. Переходъ изъ Міасимо въ Іеддо. Встрѣча насъ городскими жителями. Размѣщеніе наше	48
Глава XII. Въ которой разсказъ идетъ о Японіи	52
Глава XIII. Плаваніе по Восточному океану. Взятіе русскихъ въ плѣнъ англичанами. Освобожденіе меня изъ плѣна. Портъ Алянъ. Моя поѣздка по Сибири, и прибытіе въ С.-Петербургъ.	62

G
490
M3

G 490 .M3
Fregat "Diana"
Stanford University Libraries

3 6105 041 708 459

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

--	--	--